Карамболь

Автор:
Хокан Нессер

Карамболь

Хокан Нессер

Инспектор Ван Вейтерен #7

Пустынное шоссе. Полночь. Дождь. Мокрый асфальт. Красная «ауди». Внезапный удар. Парень в спортивной куртке в придорожной канаве…

Человек мертв, и это дело его рук. Но убитого не вернешь, а от его признания никому лучше не станет. И тогда он принимает роковое решение: нужно просто исчезнуть и попытаться жить, как будто ничего не случилось…

Кто-то сбил совсем юного парнишку и скрылся с места преступления. Комиссар Рейнхарт начинает расследование. Но ни он, ни тот, кого он разыскивает, еще не догадываются, что эта смерть будет не последней.

Хокана Нессера по праву называют самым известным, самым читаемым и самым титулованным шведским автором детективов. Его романы считаются классикой жанра. Они имеют целую армию почитателей по всему миру. Их ценят как за лихо закрученные сюжеты, мастерски отработанные и досконально продуманные интриги, так и за тонкий психологизм.

Хокан Нессер

Карамболь

При нормальном порядке вещей Отцы не хоронят своих сыновей.

Пол Остер Красная тетрадь

H?kan Nesser

Carambole

Перевод со шведского А. В. Савицкой,

First published by Albert Bonniers Forlag, Stockholm, Sweden Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Group Agency, Stockholm, Sweden and OKNO Fiterary Agency, Sweden © Hakan Nesser, 1999

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012

I

1

Парень, которому вскоре предстояло умереть, засмеялся и высвободился. Стряхнул с себя крошки от чипсов и встал.

– Мне надо идти, – сказал он. – Надо. Последний автобус будет здесь через пять минут.

– Да, – отозвалась девушка, – тебе, пожалуй, пора. Боюсь оставить тебя на ночь. Не знаю, как отнесется к этому мама. Она сегодня работает допоздна, но через пару часов будет дома.

– Жаль, – ответил парень, натягивая через голову свитер. – Было бы здорово остаться у тебя. А мы не можем притвориться, как будто… будто…

Продолжить он не решился. Девушка улыбнулась, взяла его за руку, задержала ее в своей. Она знала, что он это не всерьез, только делает вид. «Он никогда бы не отважился, – подумала она. – Просто не знал бы, как себя вести…» На секунду девушка задумалась, не сказать ли «да». Не заставить ли его остаться.

Только чтобы посмотреть на его реакцию: справится он с этим или дрогнет?

Лишь на мгновение заставить его поверить в то, что она готова нагишом улечься с ним в постель.

Вот было бы здорово. Она бы тогда кое-что о нем узнала… но девушка передумала. Отбросила эту мысль, которая показалась немного нечестной, да и она слишком хорошо к нему относится, чтобы быть такой расчетливой эгоисткой. Вообще-то он ей безумно нравится, так что рано или поздно все равно этим кончится. Нагишом под общим одеялом… так ей, по крайней мере, представлялось в последние недели, и незачем себя обманывать.

Первый. Он станет первым. Но не сегодня.

– В другой раз, – сказала она, отпуская его. Потом запустила руки в волосы, чтобы снять статическое электричество, передавшееся от скользкой обивки дивана. – У вас одно на уме, наглые павианы.

– Эх! – Парень попытался изобразить подобающее разочарование.

Он вышел в прихожую. Девушка одернула джемпер и направилась за ним.

– Мы могли бы посидеть тихонько и сделать вид, что ты спишь, а утром я бы выскользнул еще до того, как она проснется, – упирался он, не желая сдаваться слишком быстро.

– В другой раз, – повторила она. – В следующем месяце мама работает в ночную смену, может, тогда?

Он кивнул. Надел ботинки и принялся искать шарф и перчатки.

– Блин, я забыл в комнате учебник французского. Можешь принести?

Девушка принесла. Когда он застегнул куртку, они снова начали обниматься. Сквозь все слои ткани она чувствовала его напряженный пенис; парень прижался к ней, и ее на мгновение охватило головокружительное бессилие. Оно показалось приятным – будто падаешь, не заботясь о приземлении, – и она поняла, что связь между рассудком и чувством, между мозгом и сердцем действительно так слаба, как утверждала мама, когда они на днях вели за кухонным столом серьезный разговор.

Рассчитывать особенно не на что. Рассудок – лишь носовой платок, в который можно потом высморкаться, сказала тогда мама с таким видом, будто знала, о чем говорит.

Да и кому знать, как не ей. У матери было трое мужчин, и, если дочь поняла правильно, ни одного из них удерживать не стоило. Меньше всего – ее отца. Она прикусила губу и оттолкнула парня. Тот немного смущенно усмехнулся.

– Ты мне нравишься, Вим, – сказала она. – Правда. Но сейчас тебе надо бежать, иначе опоздаешь на автобус.

– Ты мне нравишься, – отозвался он. – Твои волосы…

– Мои волосы?

– У тебя потрясающе красивые волосы. Будь я малюсеньким существом, я хотел бы в них жить.

– Погоди-ка… – Она улыбнулась. – Думаешь, у меня в волосах насекомые?

– Нет, совсем не то. – Его губы растянулись в широкой улыбке. – Я только говорю, что если умру раньше тебя, то хочу возродиться в виде маленького существа и жить у тебя в волосах. Тогда мы все равно будем вместе.

Девушка посерьезнела.

– Нельзя так говорить о смерти, – заявила она. – Ты мне очень нравишься, но, пожалуйста, не говори о смерти в таком легкомысленном тоне.

– Прости, я не подумал…

Она пожала плечами. Ее дедушка умер месяц назад, и они сегодня немного говорили на эту тему.

– Ничего. Ты мне все равно нравишься. Увидимся завтра в школе.

– Обязательно. Ой, теперь мне действительно надо идти.

– Может, все-таки проводить тебя до остановки?

Он помотал головой. Открыл дверь на лестницу.

– Не глупи. Тут всего двадцать метров.

– Я люблю тебя, – сказала девушка.

– Я люблю тебя, – отозвался парень, которому вскоре предстояло умереть. – Очень сильно.

Она в последний раз обняла его, и он помчался вниз по лестнице.

Мужчина, которому вскоре предстояло убить человека, рвался домой.

В свою постель или в ванну – неясно, куда именно.

«Наверное, и туда, и туда, – думал он, украдкой поглядывая на наручные часы. – Сперва горячая ванна, потом постель. Зачем говорить „или-или“, когда можно получить и то и другое?» Господи, он просидел с этими недотепами больше четырех часов… четыре часа! Он окинул взглядом стол, размышляя, не наскучило ли все это кому-нибудь из них так же, как ему самому.

Похоже, что нет. Сплошь радостные и довольные лица – конечно, под воздействием алкоголя, но все же видно, что им приятно проводить время в компании друг друга. «Шестеро мужчин в расцвете сил, – подумал он. – Успешные и благополучные, по крайней мере не бедствующие… и приземленные. Возможно, Гребнер выглядит чуть-чуть усталым и опустившимся, наверное, снова дал трещину брак… или фирма. А почему бы, собственно, как уже говорилось, не то и другое сразу?»

«Нет, с меня хватит», – решил он и заглотнул остатки коньяка. Обтер уголки рта салфеткой, всем своим видом показывая, что собирается встать из-за стола.

– Думаю, мне надо… – начал он.

– Уже? – спросил Смааге.

– Да. На сегодня хватит. Мы ведь уже обо всем переговорили?

– Кхе – произнес Смааге. – В таком случае следовало бы пропустить еще по рюмочке коньячку. Кхе…

Человек, которому вскоре предстояло убить, поднялся.

– Думаю, мне все-таки надо… – повторил он, намеренно недоговаривая. – Позвольте, господа, пожелать спокойной ночи, и не засиживайтесь слишком долго.

– Твое здоровье! – провозгласил Кейсма.

– Иди с миром, брат, – вторил ему Липпманн.

Выйдя в фойе, человек почувствовал, что не ошибся – он, несомненно, исчерпал свою норму. Попасть в рукава пальто оказалось непросто – настолько, что татуированный атлет-гардеробщик потрудился выйти из-за стойки и помог ему одеться. Было, конечно, немного неловко, и он поспешил спуститься по коротенькой лестнице и выйти в освежающую ночную прохладу.

В воздухе витало ощущение дождя, и поблескивающие черные булыжники на площади говорили о недавно прошедшем ливне. Небо казалось неспокойным: вероятно, следовало ожидать продолжения. Мужчина завязал шарф, сунул руки в карманы и двинулся по улице Звилле в сторону площади Хроте, где припарковал машину. «Немного пройтись даже хорошо, – подумал он. – Через каких-нибудь несколько сотен метров в голове прояснится. А это не лишнее».

Когда он проходил мимо освещенного входа в универмаг «Боодвик», часы на фасаде показывали двадцать минут двенадцатого, но площадь Рейдере Плейн выглядела темной и заброшенной, словно забытое кладбище. Над Лангхрахт начал сгущаться туман, и, переходя мост Элеоноры, человек пару раз поскользнулся – температура, вероятно, приближалась к нулю. Он сообразил, что вести машину придется осторожно: гололед и алкоголь в крови – сочетание не из лучших. На мгновение он даже задумался, не остановить ли такси, но, ни одного не увидев, отказался от этой мысли. Кроме того, машина понадобится ему завтра прямо с утра, да и оставлять ее на ночь на площади Хроте казалось малоприятным. Хоть ему совсем недавно и установили дорогостоящую сигнализацию, он прекрасно знал, как оно бывает. Для парочки рукастых взломщиков не составит труда залезть в салон, вытащить стереосистему и укрыться в безопасном месте еще до того, как кто-либо успеет вмешаться. «Ничего не поделаешь», – подытожил он с привычным смирением и свернул на улицу Келлнерстраат.

Следует, кстати, заметить, что ему уже доводилось садиться за руль, немного подвыпив. Не раз и не два, и никаких проблем при этом не возникало. Пересекая площадь по направлению к красному «ауди», он пытался подсчитать, сколько всего принял за вечер, однако имелись кое-какие неясности, поэтому к точному результату он так и не пришел. Дистанционно отпер машину и уселся за руль. Сунул в рот четыре леденца от кашля, завел мотор и стал думать о ванне с пеной.

Эвкалипт, решил он про себя. Посмотрел на часы. Они показывали тридцать две минуты двенадцатого.

Автобус проезжал мимо в тот самый миг, когда он вышел на тротуар.

Сперва парень рефлекторно поднял руку, пытаясь призвать шофера остановиться. Потом смачно выругался, глядя, как задние фонари исчезают на небольшом подъеме по направлению к университету.

«Блин! – подумал он. – Почему из всех вечеров именно сегодня им понадобилось соблюдать расписание до секунды? Вот так оно всегда и бывает, черт подери».

Правда, взглянув на часы, он обнаружил, что опоздал на пять минут, значит, винить остается только себя.

Себя и Катрину. Нельзя забывать о Катрине. От этой мысли ему стало чуть легче на душе. Он решительно поправил рюкзак, натянул капюшон и двинулся вперед.

Дорога займет минут сорок пять – пятьдесят, но, как бы то ни было, он окажется дома в самом начале первого. Не так страшно. Мать будет сидеть за кухонным столом и ждать – уж это как пить дать. Будет сидеть с апатично-укоризненным видом, который она тренировала годами – и поднялась до вершин молчаливой драмы, но это еще не конец света. Опоздать на последний автобус может кто угодно, такое случается и в самых лучших семьях.

Возле кладбища Кеймер он засомневался – пересечь его напрямик или нет? Решил идти кругом; путь среди могил и часовен казался не слишком обнадеживающим, особенно в такую холодную темень, когда по улицам, переулкам и из черных каналов ползли морозные клубы тумана. Казалось, туман собирается раз и навсегда окутать город ночной пеленой.

Парень задрожал и ускорил шаг. «А ведь я мог бы не уходить, – вдруг подумал он. – Позвонить маме и остаться у Катрины. Она бы, конечно, немного поругалась, но ничего бы поделать не смогла. Последний автобус ушел. Такси стоит слишком дорого, а разгуливать в одиночку в такое время и в такую погоду молодому парню явно не стоит. Мама бы на этом не настаивала».

Однако мысли так и остались мыслями. Он упорно двигался вперед. Через городской лес – по слабо освещенной дорожке для пешеходов и велосипедистов – он пробежал трусцой и выскочил на главную дорогу раньше, чем ожидал. Сделал глубокий вдох и пошел немного спокойнее. «Остался последний отрезок», – подумал он. Долгий и скучный путь по большой дороге, тоже не самый приятный участок, если начать привередничать. Места для пешеходов и

велосипедистов здесь мало. Нужно балансировать на узенькой полоске между придорожной канавой и шоссе, а машины мчатся быстро. Скорость тут не ограничена, да и об особом освещении говорить не приходится.

Двадцатиминутная прогулка по темной дороге в ноябре. Не успел он пройти и двухсот метров, как подул холодный ветер и разогнал туман, а следом полил дождь.

«Проклятие, – подумал он. – Я мог бы сейчас лежать в постели с Катриной. Голый, прижимать к себе Катрину, чувствовать ее теплое тело и заботливые руки, ее ноги и грудь, которую уже почти удалось пощупать… этот дождь – это, наверное, знак».

Но он продолжал идти не останавливаясь. Шел под дождем и ветром, в темноте, и думал о той, что станет первой.

Должна была стать первой.

Припарковался он немного косо, пришлось сдавать назад, и как раз когда ему подумалось, что все промежутки выверены, он стукнулся правым задним крылом о темный «опель».

«Дьявол, – подумал он. – Почему я не взял такси?» Он осторожно открыл дверцу и, прищурившись, посмотрел назад. Столкновение показалось ему ничтожным и не заслуживающим внимания. Пустяк. Он снова захлопнул дверцу. «К тому же, – рассудил он, – сейчас гораздо важнее, что стекла запотели и видимости почти никакой».

Он быстро выехал с площади и безо всяких проблем выбрался на улицу Звилле. Машин было мало, и он прикинул, что, вероятно, окажется дома через пятнадцать – максимум через двадцать – минут; в ожидании зеленого света у аллеи Александерлаан стал обдумывать, действительно ли у него осталась эвкалиптовая пена для ванн. Когда светофор переключился, двинуться с места не удалось – заглох мотор. Он поспешно снова включил зажигание, мотор взревел… все эта проклятая влага. Потом резковато повернул на перекрестке и наскочил на островок безопасности.

Правда, только передним колесом. Ничего страшного не произошло… строго говоря. «Надо просто принять бодрый вид и ехать дальше», – уговаривал он себя, но вдруг понял, что пьян куда больше, чем ему казалось.

«Проклятие, – подумал он. – Необходимо все-таки следить за тем, чтобы не выскакивать с дороги. Будет не слишком удачно, если…»

Он опустил сантиметров на десять боковое стекло и включил вентиляцию на полную мощность, чтобы, по крайней мере, немного улучшить себе видимость. Петляя по кварталам Боссинген и Дейкстраа, где за последние тридцать пять лет не показывался ни единый полицейский, он ехал с образцово низкой скоростью, а выбравшись на шоссе, понял, что зря волновался по поводу обледенения. Зато полило как из ведра; он включил дворники, в пятидесятый раз за эту осень проклиная себя за то, что до сих пор их не сменил.

«Завтра, – решил он. – Завтра я первым делом поеду на бензоколонку. Чистое безумие ездить, когда ты толком ничего не видишь…»

Потом он так и не смог вспомнить, зрительный или слуховой образ возник первым. Отчетливее всего в памяти остались мягкий удар и слегка дернувшийся руль. Связь между тем, что на какую-то долю секунды мелькнуло с правого края его поля зрения, толчком и легкой вибрацией у него под руками он уловил не сразу. Во всяком случае, сколько-нибудь осознанно.

Уловил, только начав тормозить.

Только позже – через пять или шесть секунд, вероятно прошедших, прежде чем он остановил машину и побежал обратно по совершенно мокрой дороге.

Между тем ему вспомнилась мать. Как однажды, когда он болел – очевидно, в одном из младших классов школы, – она сидела, приложив прохладную руку ему ко лбу, а его без конца тошнило: желто-зеленая желчь в красном пластмассовом ведре. Было чертовски больно, а ее рука казалась такой прохладной и приятной – интересно, почему рука матери припомнилась ему именно сейчас. Все это происходило более тридцати лет назад и прежде вроде бы ни разу не возникало в памяти. Матери уже больше десяти лет нет в живых, поэтому просто загадка, что именно сейчас ему вспомнилась она и как он…

Человека он увидел, когда уже почти пробежал мимо, и, еще не успев остановиться, знал, что тот мертв.

Парень в темной спортивной куртке лежал в канаве, странным образом изогнувшись – спиной к цилиндрической бетонной трубе, а лицом к нему. Казалось, он неотрывно смотрит на него, пытаясь установить контакт. Будто хочет ему что-то сказать. Черты его отчасти скрывал натянутый капюшон, но правая половина лица – та, которой его, судя по всему, отбросило прямо в бетон, – была обнажена, словно… словно анатомическая непристойность.

Мужчина застыл на месте, пытаясь побороть рвотные рефлексы. Те же рефлексы, несомненно, те же старые рефлексы, что и тридцать лет назад. Проехали две машины в разных направлениях, похоже не обратив на него никакого внимания. Он почувствовал, что его затрясло, сделал два глубоких вдоха и спустился в канаву. Прикрыл глаза и через несколько секунд снова их открыл. Наклонился вперед и осторожно попробовал нащупать у парня пульс – на запястьях и окровавленной шее.

Пульса не было. «Проклятие, – подумал он, чувствуя нарастающую панику. – Черт подери, я должен… я должен… должен…»

Он никак не мог сообразить, что именно должен. Осторожно подсунул руки под тело, согнул колени и приподнял парня. Почувствовал резкую боль в пояснице: мальчуган оказался тяжелее, чем он себе представлял, возможно, из-за мокрой одежды. Насколько он вообще был способен что-либо себе представлять. Да и зачем? Проблемы создавал рюкзак. Рюкзак и голова упорно норовили совершенно нелепым образом упасть назад. Он отметил, что из уголков рта прямо в капюшон капает кровь и что парню на вид не больше пятнадцати – шестнадцати лет. Примерно как сыну Грёбнера. По еще не до конца сформировавшимся чертам лица было видно, несмотря на раны… мальчик, похоже, красив… без сомнения, станет привлекательным мужчиной.

Стал бы.

Мужчина довольно долго стоял в канаве с телом на руках, а в голове вертелись мысли. Чтобы выбраться на дорогу, надо подняться всего на метр, но склон крутой, а дождь сделал его скользким и коварным – трудно найти надежную опору для ног. Пока он стоял, не проехало ни одной машины, но издали

слышался звук приближающегося мопеда. «Или легкого мотоцикла», – подумал он. Когда тот проезжал мимо, он услышал, что это мотороллер, и его на мгновение ослепило фарой. Кажется – по крайней мере, так ему думалось, когда он потом возвращался мыслями обратно, – кажется, именно эта секунда ослепляющей белизны и заставила его снова начать действовать.

Действовать и мыслить рационально.

Он аккуратно положил тело обратно к трубе. Подумал было обтереть окровавленные руки о мокрую траву, но не стал. Выбрался на дорогу и поспешил обратно к машине.

Отметил, что, вероятно, чисто рефлекторно заглушил мотор, но фары оставались включенными. Отметил, что дождь льет так, будто разверзлись хляби небесные. Отметил, что мерзнет.

Он сел за руль и захлопнул дверцу. Пристегнул ремень безопасности и поехал. Видимость стала получше, словно стекла с внутренней стороны тоже промыло дождем.

«Ничего не случилось, – подумал он. – Ровным счетом ничего».

Почувствовались первые признаки приближения головной боли, но тут вновь возникли прохладные руки матери, и у него вдруг появилась полная уверенность в том, что в эвкалиптовой бутылочке все-таки чуть-чуть осталось.

2

Проснувшись, он сперва испытал невероятное облегчение.

Оно продолжалось три секунды, потом он понял, что это был не страшный сон.

А реальность.

Льющий дождь, внезапно дрогнувший руль, скользкая канава – все было реальностью. Тяжесть мальчика у него на руках и капающая в капюшон кровь.

Двадцать минут он лежал в постели, словно парализованный. То и дело его охватывала дрожь. Она начиналась в ногах, распространялась по телу, чтобы затем горящей белой молнией ударить в голову, и каждый раз казалось, что у него отстреливается какая-то жизненно важная часть мозга и сознания. Отмерзает или сгорает, чтобы больше никогда уже не восстановиться.

«Лоботомия, – подумал он. – Меня подвергают лоботомии».

Когда настырно красные цифры электронных часов показали 07.45, он поднял трубку и позвонил к себе на работу. Объяснил ставшим всего за одну ночь ледяным голосом, что подцепил грипп и вынужден провести несколько дней дома.

Ах, грипп.

К несчастью, да, но ничего не поделаешь.

Ну, звоните, если что-нибудь понадобится.

Нет, он полежит в постели. Будет принимать порошки и постарается много пить.

Ну да, конечно. До свидания.

Через полчаса он встал с постели. Подошел к кухонному окну и посмотрел на унылую улицу пригорода, где дождь временно уступил место тяжелому серому утреннему туману. Постепенно стала возвращаться мысль, которая, как ему помнилось, не отпускала его весь вчерашний вечер – и позже, в часы полной отчаяния бессонницы, пока ему наконец не удалось уснуть.

Ничего не случилось. Ровным счетом ничего.

Он прошелся по кухне. В чулане имелась непочатая бутылка виски «Гленалмонд», привезенная из летней поездки. Он открутил крышку и отпил два больших глотка. Вряд ли он когда-либо раньше вытворял подобное – пил виски прямо из горла; нет, такого никогда не случалось.

Он уселся за кухонный стол и стал, обхватив руками голову, ждать, пока алкоголь распространится по телу.

«Ничего не случилось», – думал он.

Затем поставил кофе и принялся обдумывать ситуацию.

В утренних газетах не было ни строчки. Ни в «Телеграаф», которую он выписывал, ни в «Ниуэ Блат», купленной им в киоске. На несколько мгновений ему почти удалось убедить себя, что все это кошмарный сон, но стоило вспомнить дождь, канаву и кровь, как стало ясно: тщетно. Это было на самом деле. Как виски на столе. Как крошки вокруг тостера. Как его собственные руки, бессильно и машинально перелистывавшие газеты, сбросившие их на пол и вернувшиеся к бутылке.

Он убил какого-то парня.

Сел за руль пьяным и убил подростка пятнадцати – шестнадцати лет. Постоял в канаве с мертвым телом на руках, а потом оставил его и уехал домой.

Так уж получилось. Ничего не поделаешь. Обратного хода нет.

Радио он включил только без нескольких минут десять, и в десятичасовых новостях получил подтверждение.

Подросток. Видимо, возвращался домой в Бооркхейм. Пока без имени.

Но точное описание места.

Погиб этой ночью. Предположительно, между одиннадцатью и часом. Тело обнаружили только рано утром.

Смерть, по всей вероятности, наступила мгновенно.

Никаких свидетелей.

Сбит машиной – тоже по всей вероятности. Водитель не мог не заметить случившегося. Призыв ко всем, кто этой ночью проезжал мимо места происшествия, и к тем, кто располагает какими-либо сведениями. Полиция заинтересована выйти на связь со всеми, кто…

Место огорожено, прошедший дождь осложнил работу, некоторые наметки имеются… Розыск водителя, скрывшегося с места… Новый призыв ко всем, кто…

Он выключил радио. Влив в себя еще два глотка виски, вернулся в постель. Довольно долго лежал, путаясь в мыслях, а когда во второй раз поднялся этим серым туманным утром, три из них выделялись отчетливо.

Три весомые мысли. Тщательно продуманные выводы, от которых он не собирался отступаться. Надо держаться за них – и будь что будет. Просто решил, и всё.

Первое: парень в канаве был мертв, и вина за эту смерть лежит на нем.

Второе: как он ни поступи, парня к жизни не вернуть.

Третье: сдайся он полиции, ничего в лучшую сторону не изменится. Ничего.

«Напротив, – мысленно добавил он. – Зачем компенсировать потерянную жизнь другой?» Его собственной.

Рассуждая таким образом, он сознавал, что находится на верном пути. Стал приходить в себя. Наконец. Главное – держать себя в руках. Не позволять себе дрогнуть.

Только и всего.

Днем он действовал методично.

Помыл в гараже машину, изнутри и снаружи. Сколько он ни осматривал правую часть капота и крыло, ему не удалось обнаружить ни намека на повреждения или отметины; он предположил, что зацепил парня довольно низко – наверное, слегка толкнул бампером на уровне коленей; ему представлялось – когда он

вновь попытался воспроизвести сцену в мокрой канаве, – будто фатальный исход несчастного случая был вызван скорее столкновением мальчика с бетонной трубой, а не самим толчком на шоссе. От этого нести бремя собственной вины становилось – каким-то странным, извращенным образом – немного легче. По крайней мере, создавалось такое ощущение. И оно его устраивало.

Внутри машины, на водительском сиденье, имелась единственная неприятность: темное овальное пятно, размером с яйцо, на правом краю бежевой обивки. Предположив с полным основанием, что это, должно быть, кровь, он в течение получаса пытался ее отчистить. Тщетно; пятно осталось на месте – очевидно, глубоко въелось в ткань, и он решил в ближайшее время обзавестись махровым чехлом. Не сразу… лучше через недельку, когда история немного подзабудется.

Кое-какие следы крови мальчика имелись также на руле и рычаге коробки передач, но отделаться от них не составило труда. Бывшую на нем накануне одежду он тщательно собрал и сжег в камине гостиной, напустив немного дыма. Когда он покончил с этим, его на мгновение охватила паника при мысли о том, что его могут спросить об этих вещах. Однако он довольно быстро успокоился: представлялось маловероятным, чтобы на его след вышли или стали требовать от него отчета в столь тривиальных вещах. Обычные вельветовые брюки? Старый пиджак и серо-голубая рубашка? Он ведь мог отделаться от них как угодно: выбросить, пожертвовать при каком-нибудь сборе одежды.

Но главное: никто не выйдет на его след.

Ближе к вечеру, когда опустились сумерки и заморосил дождь, он отправился в церковь. В старую базилику Вроон, находившуюся в двадцати минутах ходьбы от его дома. Просидел полчаса в боковом приделе, сцепив руки и пытаясь открыться внутренним голосам – или голосам свыше, – но ничто не заявило о себе, не возникло ничего такого, что вызвало бы у него беспокойство.

Покидая безлюдную церковь, он осознал, насколько важным было для него это посещение – возможность вот так посидеть в церкви, без какого-либо умысла или надежд. Без ложных обещаний и мотивов.

Понял, что это явилось своего рода испытанием, и он его выдержал.

Удивительно, но, когда он вышел из-под темного свода, это ощущение стало сильным и недвусмысленным, сродни катарсису. По пути домой он купил две вечерние газеты; в обеих на первой странице была фотография мальчика. Кстати, одна и та же, хотя и в разной степени увеличенная: чуть раскосые глаза и зачесанные вперед темные волосы. Никакого капюшона, никакой крови. Он его не узнал.

Придя домой, он выяснил, что парня звали Вим Фелдере, что ему всего несколько дней назад исполнилось шестнадцать лет и он учился в школе Вегерс.

Обе газеты пестрели деталями, фактами и рассуждениями, а общую точку зрения на случившееся выражал заголовок на третьей странице «Пост»:

ПОМОГИТЕ ПОЛИЦИИ ПОЙМАТЬ СКРЫВШЕГОСЯ ВОДИТЕЛЯ!

Писали также кое-что о возможных последствиях в случае, если полиции удастся отыскать виновника. Судя по всему, ему грозило от двух до трех лет тюремного заключения.

Он прибавил употребление спиртного – что наверняка смогут установить с помощью услужливого ресторанного персонала – и увеличил срок до пяти-шести. По меньшей мере. Вождение автомобиля в нетрезвом состоянии. Неосторожная езда, повлекшая смерть другого человека. Бегство.

Пять-шесть лет в заключении. Какой в этом смысл? – подумал он. Кому от этого станет хорошо?

Он бросил газеты в пакет с мусором и достал бутылку виски.

3

Парень снился ему три ночи подряд, затем исчез.

По большому счету, так же обстояло дело и с газетами. О Биме Фелдерсе писали в пятницу, субботу и воскресенье, а когда в понедельник началась рабочая неделя, репортаж свелся к заметке о том, что у полиции по-прежнему нет никаких версий. Не объявилось никаких свидетелей, и нет надежных доказательств – что, собственно, может означать подобная формулировка? Юношу задавил неизвестный автомобилист, который затем, под покровом дождя и темноты, скрылся с места происшествия; это было известно с самого начала и оставалось известным четыре дня спустя.

В понедельник он вышел на работу. Воспринял это как облегчение и вместе с тем как своего рода «ослиный мост»[1 - Ослиный мост – pons asinorum [лат.) – средство, помогающее преодолеть трудность. – Примеч. ред.] к нормальному образу жизни. Жизнь вновь покатилась по старой, избитой колее, привычной и в то же время какой-то чужой; по нескольку раз на дню он ловил себя на удивленных мыслях о том, как же на самом деле тонка пленка между рутиной и кошмаром.

Как она тонка и как невероятно легко рвется. Эта пленка.

После работы он поехал в супермаркет, в Лер, и купил новые чехлы. Сразу нашел цвет, почти не отличавшийся от цвета сидений, и когда позднее, изрядно потрудившись, сумел натянуть на них в гараже чехлы из эластичной ткани, почувствовал, что все наконец в порядке. Скобки закрыты. «Ничего» взято в скобки. Нанесен завершающий штрих в выработанной после трезвого размышления стратегии безопасности. Все меры приняты, все следы стерты, и он с некоторым удивлением осознал, что с момента трагедии прошла всего неделя.

Нет никаких признаков. Не появилось и намека на то, что ему придется отвечать за произошедшее в те роковые секунды в четверг вечером. В те жуткие и все более нереальные секунды, которые быстро удалялись в темноту прошлого.

Он справится. Он глубоко вздохнул, сознавая, что справится.

Правда, утверждалось – в паре газет и телепередач, за которыми он по мере возможности следил, – что у полиции есть кое-какие зацепки для расследования, но он понимал, что это лишь пустые слова. Неуклюжая попытка создать видимость большей осведомленности и компетентности, чем на самом

деле. Как обычно.

Нигде ни словом не упоминалось о красной машине «ауди», стоявшей на обочине поблизости от места происшествия с включенными фарами. Этого он как раз опасался больше всего; возможно, не того, что кто-то обратил внимание на цвет или модель машины – еще меньше на регистрационный номер, – а того, что вообще заметили присутствие там какого-то автомобиля. Ведь мимо все-таки проехало две машины – пока он находился в канаве… или это было, пока он еще стоял на дороге? Уже успело забыться. В любом случае, две машины и мотороллер – это он помнил отчетливо. Водитель машины, ехавшей с противоположной стороны – из Бооркхейма или Линсхёйзена, – мог, в принципе, принять его «ауди» за встречный транспорт, прикидывал он, но двое остальных, должно быть, обратили внимание на стоявший на обочине автомобиль с включенными фарами.

Или это из разряда того, что выпадает из памяти? Из тех мелочей, что задерживаются там на несколько секунд или на полминуты, а затем исчезают навсегда? Трудно сказать, трудно узнать, однако, несомненно, именно этот вопрос не давал ему спать по ночам. Потенциальные, не проявляющиеся свидетели.

В четверг – после нескольких дней молчания в СМИ и через неделю после трагедии – появилась мольба семьи мальчика: матери, отца и младшей сестры. Они выступали по телевидению и радио, их фотографии напечатало несколько газет – с одной-единственной целью: заставить преступника прислушаться к собственной совести и объявиться.

Сознаться в содеянном и понести наказание.

Этот призыв, совершенно очевидно, был лишним доказательством того, что полиция пребывает в растерянности, не имея никаких улик. Никаких зацепок, никаких следов. Когда он увидел мать – темноволосую, неожиданно собранную женщину лет сорока пяти, сидевшую на диване в студии и обращавшуюся, получается, непосредственно к нему, – его поначалу охватил страх, но стоило ей исчезнуть с экрана, как он незамедлительно вновь обрел душевное равновесие. Он чувствовал и понимал, что, конечно, будет периодически подвергаться подобным приступам, но у него всегда найдется достаточно сил, чтобы собраться. Преодолеть слабость. Надо только не терять самообладания.

Приятно сознавать, что оно у него есть, что он обладает главным – волей.

Все же ему хотелось бы с ней поговорить.

Хотелось спросить: зачем?

Что бы это дало, если бы меня на пять лет засадили в тюрьму?

Я убил вашего сына, искренне сожалею, но произошел несчастный случай, и кто выиграет от того, что я сознаюсь?

Его интересовало, что бы она ответила. Неужели у нее действительно нашлось бы в чем его упрекнуть? Ведь всему виной несчастный случай, при несчастных случаях преступников не бывает. Нет вообще никаких действующих лиц, только неконтролируемые факторы и объекты.

Позже, вечером, он стал прикидывать, не послать ли семье анонимное сообщение. Или просто позвонить и изложить свою точку зрения, но понял, что это было бы слишком рискованно, и отбросил все подобные мысли.

Отбросил он и идею послать венок на похороны Вима Фелдерса, которые состоялись в переполненной церкви Кеймер в субботу, через десять дней после трагедии.

По той же причине. Риск.

Помимо родственников и друзей на церемонии присутствовало большинство учащихся и учителей школы Вегерс, а также представители различных организаций, занимающихся жертвами дорожно-транспортных происшествий. Подробную информацию о похоронах он прочел в воскресном номере «Ниуэ Блат», но это оказалось последним бурным всплеском публикаций, посвященных данному делу.

К своему удивлению, в понедельник он заметил, что ему чего-то не хватает.

Будто он чего-то лишился.

«Как в тот раз, когда я потерял Марианну», – подумал он несколько позже с тем же удивлением; сравнение показалось странным, но соотнести хоть с чем-то явно требовалось. С чем-то важным из собственной жизни. В течение десяти дней это кошмарное происшествие владело всем его существом. Проникало в каждую пору, в каждый уголок сознания. Хоть ему и удалось относительно быстро взять панику под контроль, она все же никак не отпускала. Таилась где-то внутри, готовая вырваться наружу. В последнее время его мысли вращались вокруг этой адской поездки чуть ли не каждую секунду – легкий удар и дернувшийся руль, дождь, безжизненное тело парня и скользкая канава… днем и ночью, и когда начали возникать периоды, свободные от этих размышлений, стало почему-то казаться, будто ему чего-то не хватает.

Образовалась некая пустота.

Как после одиннадцатилетнего бездетного брака… да, кое-какое сходство есть.

Видимо, я очень одинокий человек, сообразил он вдруг в те дни. С тех пор как Марианна покинула меня, не осталось никого, кто бы для меня, по большому счету, что-то значил. Ни единой души. Со мной происходят какие-то события, но я не действую. Существую, но не живу.

Почему я не завел себе новую женщину? Почему даже не попробовал? А теперь я вдруг стал кем-то другим.

Кем? Кто же я?

То, что подобные мысли возникли из-за того, что он задавил паренька, разумеется, казалось странным, но он не хотел копаться в этом глубже. Он решил, что не было счастья, да несчастье помогло, и следует что-либо предпринять, попытаться все-таки изменить жизнь, и внезапно – не дав себе времени все взвесить и передумать – он взял и пригласил на ужин женщину. Познакомились они случайно – в столовой; мест, как всегда, не хватало, и эта женщина села за его столик. Он не помнил, видел ли ее когда-нибудь прежде. Вероятно, нет.

Но она приняла приглашение.

Звали ее Вера Миллер. Она была рыжеволосой и жизнерадостной, и в ночь с субботы на воскресенье – через три с лишним недели после того, как он впервые в жизни убил человека, – он в первый раз за последние четыре года занимался любовью.

Следующим утром они вновь предались любовным утехам, после чего она рассказала, что замужем. Они немного поговорили о ее браке и об их романе, и он увидел, что для нее это куда серьезнее, чем для него самого.

А в понедельник пришло письмо.

Некоторое время назад Вы убили мальчика. Я ждал, что у Вас проснется совесть, но теперь понимаю, что Вы слабый человек, не отваживающийся отвечать за содеянное.

У меня имеются неопровержимые доказательства, которые отправят Вас в тюрьму, как только я передам их полиции. Мое молчание будет стоить десять тысяч гульденов – пустяковая сумма для человека Вашего положения, но я все-таки даю Вам неделю (ровно семь дней) на то, чтобы ее раздобыть. Подготовьтесь.

Я скоро напомню Вам о себе.

Друг.

Написано от руки. Красивыми узкими буквами с ровным наклоном. Черными чернилами.

Он прочел письмо пять раз подряд.

– Тебя что-то тяготит? – спросила Вера Миллер за ужином. – У тебя немного подавленный вид.

– Нет.

– Точно?

– Все нормально, – ответил он. – Просто неважно себя чувствую, вероятно, у меня небольшая температура.

– Надеюсь, это не из-за меня? Я хочу сказать, не из-за нас?

Она крутила в руках бокал с вином, пристально вглядываясь в его лицо.

– Конечно нет, черт возьми…

Он попытался засмеяться, но сам услышал, что лишь заскрежетал зубами, и решил лучше выпить вина.

– Мне кажется, у нас все так хорошо началось, – сказала она. – Хотелось бы второй и третьей серии.

– Разумеется. Извини, я просто немного устал, но к тебе это никакого отношения не имеет. У меня такое же ощущение, как у тебя… поверь.

Она улыбнулась, погладила его по руке:

– Хорошо. Я уже почти забыла, что заниматься любовью может быть так приятно. Просто невероятно, что ты не делал этого четыре года. Как так могло получиться?

– Ждал тебя, – ответил он. – Пойдем в постель?

Не успела она уйти в то воскресенье, как он начал чуть ли не тосковать без нее. Они занимались любовью до глубокой ночи. Вера права: просто загадка, что это вызывало столь сильные ощущения. Он залез обратно в постель и уткнулся головой в подушку. Глубоко задышал носом, пытаясь вдохнуть запах Веры, и попробовал снова заснуть, но тщетно. Казалось, в постели слишком пусто. Ну, разве не чертовски странно?

«Самая большая разница в мире – разница между женщиной, которая лежит рядом, и женщиной, которая только что ушла, – подумал он. – Любимой женщиной. Новой женщиной?»

Чуть погодя он сдался. Сходил за газетой, позавтракал и вновь достал письмо.

Собственно, этого и не требовалось. Текст он знал наизусть. Каждую фразу, каждое слово, каждую букву. Тем не менее он прочел письмо еще дважды. Повертел в руках, пощупал качество бумаги. Оно было, несомненно, хорошим; конверт и бумага одного дизайна. Плотная тисненая бумага для писем, вероятно купленная в каком-нибудь маленьком книжном магазинчике в центре, где ее продают на вес.

Еще один изысканный нюанс: бумага светло-голубая. Марка со спортивным сюжетом – женщина, готовящаяся метнуть диск. Приклеена в правом верхнем углу, с точностью до миллиметра. Его имя и адрес выписаны теми же красивыми, чуть наклонными, остроконечными буквами, что и текст. Название города подчеркнуто.

Вот и все. Все, что можно сказать. Иными словами – ничего. Или почти ничего. Даже определить пол автора казалось невозможным. Пожалуй, он склонялся к тому, что это мужчина, но дальше догадки дело не шло. С таким же успехом могла быть и женщина.

«Десять тысяч? – подумал он в стопятидесятый раз с вечера понедельника. – Почему только десять тысяч?»

Сумма, конечно, внушительная, но все-таки – как справедливо указал автор письма – нереальным требованием ее не назовешь. Сумма на его банковском счете превышает ее как минимум вдвое; он владеет домом и прочим имуществом, стоимость которого в десять раз больше. Шантажист употребил

выражение «для человека Вашего положения» – следовательно, он знаком с его жизненными обстоятельствами и материальным положением.

Тогда зачем же довольствоваться десятью тысячами? Возможно, это и не «пустяковая сумма», но все-таки достаточно скромная цена. В высшей степени приемлемая, с учетом того, о чем идет речь.

По всей видимости, автор письма – человек с приличным образованием. Почерк ровный, аккуратный, никаких ошибок в языке, исключительно корректные формулировки. Без сомнения, подобный человек мог бы (должен?) понимать, что у него имеется возможность получить больше, что цена за его молчание достаточно низкая.

К этому выводу он возвращался неоднократно, каждый раз задним числом удивляясь тому, насколько легко и рационально рассуждает. Сначала письмо возымело эффект бомбы, но, как только он начал привыкать и мириться с ним, его стали занимать логичные и разумные вопросы.

Они занимали его всю неделю, и в это воскресенье тоже.

Почему только десять тысяч?

Что это значит? Лишь первый платеж?

И кто? Кто видел его и теперь нашел возможность заработать на его несчастье? И несчастье мальчика.

Водитель мотороллера или кто-то из двоих автомобилистов, проезжавших мимо, пока он стоял в канаве с безжизненным телом на руках? Или на дороге.

Есть ли другие варианты? Ему думалось, что нет.

Постепенно он начал исходить из того, что, в любом случае, выдал его, похоже, собственный красный автомобиль «ауди». Кто-то увидел странно стоявшую машину, запомнил номер и вычислил его по регистру.

Он все больше убеждался в том, что все произошло именно таким образом, и уже почти не рассматривал никаких других возможностей, пока его не посетила страшная мысль.

Парень мог быть в тот вечер не один. Вдоль дороги могли, например, идти двое молодых людей, но о бетонную трубу убился только этот парень.

Чуть поодаль… в нескольких метрах, с другой стороны трубы, могла лежать в полубессознательном состоянии его подружка… нет, не подружка, она осталась в городе, об этом писали газеты… приятель или случайный попутчик… лежал без сознания, скрытый темнотой. Или в шоке, до смерти испугавшись вида мертвого парня и мужчины, державшего его на руках, и капавшей в капюшон крови…

Сценарий, разумеется, ужасный, и хотя ему постепенно удалось убедить себя в сомнительной вероятности такого поворота, мысль эта приходила с завидным упорством. Он попытался просто-напросто отбросить этот малоправдоподобный кошмар, как не имеющий отношения к делу. Не играло никакой роли, кто именно видел его в ночь трагедии или как именно этот человек узнал о случившемся. Внимания и сосредоточенности требовали другие вопросы.

И решения.

Можно ли положиться на то, что этим все закончится?

Десятью тысячами гульденов. Что он один раз заплатит и сможет дальше жить спокойно?

Вот в чем проблема. Какие гарантии мог автор письма дать в том, что он (она?), получив деньги и растратив их, не захочет большего где-нибудь через месяц? Через год?

Или в том, что он/она все-таки не сдаст его полиции?

Удастся ли ему получить какую-то гарантию? И как она должна выглядеть?

Или – это был, конечно, самый тяжелый вопрос – не следует ли ему признать ситуацию безвыходной? Понять, что игра проиграна и настало время самому позвонить в полицию?

Не следует ли сдаться?

В воскресенье вечером у него по-прежнему не было окончательных ответов на эти вопросы. Он еще в пятницу заскочил в банк и снял со счета одиннадцать тысяч, но это вовсе не обязательно было рассматривать как решение.

Лишь как знак того, что он по-прежнему готов к любым вариантам.

Его мысли занимал также разговор, состоявшийся у них в субботу.

– А твой муж? – спросил он, когда они после прогулки по берегу двинулись к машине. – Ты ему рассказала?

– Нет, – ответила она, выпуская скрытые под вязаной шапочкой волосы. Потом запустила в них руки и нарочито долго трясла локонами, вероятно чтобы успеть подумать. – Я не знала, насколько у нас с тобой это будет серьезно… ну, поначалу. Теперь знаю. Но мне еще не представилось удобного случая поговорить с ним. Тут надо выбрать время и обстановку.

– А ты уверена?

– Да.

– Что хочешь с ним развестись?

– Да.

– Почему у вас нет детей?

– Потому что я не хотела.

– От мужа или вообще?

Она слегка покачала головой. Он понял, что ей не хочется об этом говорить. Они немного постояли молча, глядя на бушующее море.

– Мы женаты всего три года. Это было ошибкой с самого начала. Просто глупостью.

Он кивнул.

– Чем он занимается?

– Сейчас – безработный. Раньше работал в компании «Зиндерс». Они закрылись.

– Звучит невесело.

– А я и не говорила, что это весело.

Она засмеялась. Он обнял ее за плечи и притянул к себе:

– Ты точно не сомневаешься?

– Да, я не хочу с ним жить, и всегда это знала.

– Зачем же ты вышла за него?

– Сама не знаю.

– Выходи лучше за меня.

Слова вырвались сами собой, прежде чем он успел их сдержать, но он тут же осознал, что и думает о том же самом.

– Ух ты, – рассмеялась она. – У нас было два свидания, и ты уже спрашиваешь, не пожениться ли нам. Может, сперва все-таки отправимся к тебе и поедим, как собирались?

Он задумался.

– Пожалуй, ты права, – сказал он. – Я голоден как волк.

За остаток вечера он ни разу не повторил предложения руки и сердца, но и не отказался от него. Решил, пусть немного повисит в воздухе, без окончательных решений или комментариев. Словно натянутая между ними струна, которой не обязательно касаться, но которая будет незримо их соединять. Ему показалось, что Вера отнюдь не против этого, что она чувствует нечто подобное.

Своего рода тайна. Некий союз.

Когда они потом занимались любовью, казалось, что они уже отпили из колодца любви.

Непостижимо, в каком-то смысле это просто непостижимо.

Как жизнь может безо всякого предупреждения бросать человека в совершенно новые колеи, переворачивая все привычное, весь рассудок и жизненный опыт с ног на голову? Как такое возможно?

К тому же всего за несколько недель. Сперва этот кошмарный вечер четверга, потом Вера Миллер и любовь. Он не понимал. Разве такое поддается пониманию?

Остаток воскресного вечера он в основном пролежал на диване, с одной зажженной свечей, чувствуя, что его бросает в крайности. От шаткости, мимолетности и нетвердости восприятия реальности, с одной стороны, до очень спокойных и рациональных размышлений – с другой. Разум и чувство, но без связей, без синапсов[2 - Синапс – место контакта между двумя нейронами, служит для передачи нервного импульса. – Примеч. ред.].

Постепенно он решил, что дело все-таки не в каких-то бросках. Существует одна продолжающаяся реальность; его ощущения по отношению к ней и попытки ее контролировать остаются теми же, меняется лишь угол зрения. Перспектива.

«Две стороны медали, – подумал он. – Как рубильник. Заурядное и непостижимое. Жизнь и смерть? Тонкая мембрана между ними».

Чудно?.

После одиннадцатичасовых новостей по радио он снова достал письмо. Прочел его еще раз, а потом уселся за письменный стол. Он сидел в темноте, предоставив мыслям полную свободу, и уже скоро, очень скоро, там, где он раньше видел только два варианта действий, стал просматриваться еще один.

Третий путь, который ему понравился. Он еще долго просидел, пытаясь взвесить все «за» и «против».

Однако выбирать было рано. Слишком рано. Пока он не получил дальнейшие указания от «друга», оставалось только ждать.

Ждать почты понедельника.

5

Он приехал на двадцать минут раньше. Сидя в машине на пустынной парковке, еще раз прочел инструкции. Необходимости в этом не было – он перечитывал их весь день, – просто требовалось скоротать время.

Деньги: купюры по 100 и 50 гульденов, завернутые в два пластиковых пакета; верхний – из универмага «Боодвик».

Место: ресторан «Траттория Комедиа» возле поля для гольфа в пригороде Диккен.

Время: вторник, ровно в 18.00.

Действия: занять место в баре заказать пиво, выпить пару глотков и примерно через пять минут пойти в туалет. Взять с собой пакет с деньгами, оставить его хорошо прикрытым бумажными полотенцами в корзине для мусора. Если в туалете будет кто-то еще, подождать, пока все уйдут. Прямо из туалета выйти

на парковку и уезжать. Всё.

Тот же вид бумаги, что в прошлый раз. Тот же почерк, вероятно, та же ручка.

Та же подпись: друг.

Никаких угроз. Никаких комментариев по поводу его слабости.

Только необходимые инструкции. Проще некуда.

Без двух минут шесть он поднял боковое стекло и вылез из машины. Припарковался он максимально далеко от ресторана, почти у выезда с парковки. Быстро, но без спешки, прошел пятьдесят метров по хорошо продуваемой гравийной площадке до здания ресторана. Оно было низким и построено углом; фасад украшен померанским камнем. Окна в стиле Гауди обиты черным стальным ободком. Он открыл отделанную под палисандровое дерево дверь и вошел.

Констатировал, что народу немного, но атмосфера все-таки довольно приятная. Прежде он тут никогда не бывал и сейчас предположил, что это заведение предназначено преимущественно для игроков в гольф, а такую отвратительную осеннюю погоду едва ли можно считать высоким сезоном. Бар находился сразу налево, за стойкой сидела, покуривая, одинокая женщина лет сорока, в компании вечерней газеты и какого-то зеленого напитка. Когда он вошел, женщина оторвалась от газеты, но явно решила, что та интереснее.

Прежде чем сесть, он глянул вглубь помещения. Зал загибался за угол, и большинство столиков, просматривавшихся от бара, оказались пустыми. Одинокий мужчина сидел, склонившись над порцией пасты. В камине потрескивал огонь; интерьер был оформлен в темно-коричневых, красных и зеленых тонах, из скрытых динамиков доносилась какая-то неопределенная фортепианная соната. Он поставил пакет между ног и заказал пиво у бармена – молодого человека с собранными в хвостик волосами и кольцом в ухе.

– Ветрено? – спросил бармен.

– Жуть, – ответил он. – Маловато народу сегодня?

– Что правда, то правда.

Он получил пиво в высоком, каком-то дамском бокале на ножке. Расплатился, выпил половину и спросил, где находится туалет. Бармен указал в сторону камина, он поблагодарил, взял пакет и направился туда.

Там пахло итальянской сосной и было удивительно пусто. И чисто. Мусорная корзина между двумя раковинами оказалась заполненной использованными бумажными полотенцами только на треть. Он запихнул туда пакет из универмага «Боодвик» и набросал сверху новых полотенец, предварительно их немного измяв. Все согласно инструкциям. Вся процедура заняла десять секунд. Он постоял еще десять, с легким удивлением разглядывая собственное отражение в чуть поцарапанном зеркале над раковинами. Затем вышел из туалета. Кивнул, проходя мимо, бармену и двинулся к машине. Воздух был как замерзший металл.

«Ловко, – подумал он, вновь сидя за рулем. – Чертовски ловко».

Затем открыл бардачок и достал кусок трубы.

Прошло ровно шесть с половиной минут.

Вышедшему из ресторана высокому и худощавому мужчине на вид можно было дать лет тридцать. В правой руке он нес пакет, а левой беззаботно помахивал ключами от машины. Мужчина явно направлялся к старому «пежо», стоявшему метрах в двадцати от его собственной машины. К одному из пяти автомобилей на большой парковке.

Еще до того, как мужчина открыл дверцу, он успел сообразить, насколько тот не профессионален. Выждать так мало и затем открыто разгуливать с пакетом – разве это не безумие? Он понял, что все-таки имеет дело с не слишком серьезным противником и, главное, что противник сильно недооценил его собственный масштаб.

Он настиг мужчину, как раз когда тот собирался вставить ключ в замок дверцы.

– Извините, – сказал он. – Мне кажется, вы кое-что обронили.

Левую руку он держал на расстоянии полуметра от лица мужчины.

– Что такое?

Он быстро окинул взглядом парковку и окрестности. С каждой секундой становилось все темнее. Не было видно ни души. Он со всей силы ударил мужчину по голове. Попал чуть наискось, над левым ухом. Мужчина беззвучно рухнул на землю. Ничком, поджав под себя руки. Прицелившись к шее, он ударил еще раз, с той же решительностью. Послышался короткий хруст, и он понял, что если мужчина не умер от первого удара, то теперь уже мертв наверняка. Из головы хлынула кровь. Он осторожно высвободил пакет и ключи от машины и огляделся.

По-прежнему никого. Темно и пустынно. Быстро взвесив все «за» и «против», он ухватил мужчину за ноги и оттащил его в окружавшие парковку нестриженые кусты. На гравии остался широкий след, но он предположил, что все следы смоет дождем. Отступил на два шага назад и убедился в том, что с расстояния нескольких метров ничего не видно. По крайней мере, тому, кто не знает, что ищет. Или что тут вообще есть что искать.

Он удовлетворенно кивнул и вернулся к собственной машине. Будет, разумеется, не лишним, если на труп наткнутся только через несколько дней. Вероятно, чем позже, тем лучше. Он завернул кусок трубы в газету и сунул в пакет с деньгами.

Завел машину и поехал прочь.

Пышные темные волосы, бороду и тонированные синие очки он не снимал, пока не миновал роковую бетонную трубу возле шоссе, ведущего в Бооркхейм, а когда полчаса спустя наливал у себя на кухне в обычный стакан на два пальца виски, возблагодарил таблетки «сабрила» – голубоватые чудодейственные пилюли, позволившие ему сохранять трезвость рассудка в течение всего этого вечера. И в предыдущие дни тоже. Не вредно обладать кое-какими фармакологическими познаниями в области собственной души и ее потребностей. Совсем не вредно.

Он выпил виски.

Принял расслабляющую пенистую ванну.

Затем позвонил Вере Миллер.

II

6

Тело обнаружил некий Андреас Фише.

Произошло это в четверг, ближе к вечеру. Фише навещал сестру в пригороде Диккен (конечно, она стерва, а не сестра, но родня есть родня, да к тому же ей удалось выйти замуж за весьма состоятельного адвоката) и на обратном пути пошел через парковку перед рестораном «Траттория Комедиа», остановился, чтобы пописать, и тут заметил, что в кустах что-то лежит.

Фише справил нужду и осмотрелся. Затем осторожно отвел несколько колючих веток и заглянул в кусты. Там лежал человек. Тело. Мертвое тело.

Трупы Фише доводилось видеть и прежде. Даже не раз за его бурную жизнь, и после того, как он подавил первое побуждение – сделать ноги, – возобладала практичная сторона его натуры. Он удостоверился, что на пустынной в этот сумеречный час парковке никого не видно.

Потом аккуратно отвел в сторону еще несколько веток – тщательно следя за тем, чтобы не ступить на мягкую землю и не оставить отпечатков (у него, как уже говорилось, имелся кое-какой опыт), – и присмотрелся к покойнику.

Довольно молодой, довольно высокий мужчина. Лежал на животе. Темно-зеленая куртка и обычные синие джинсы. Повернутая вверх половина лица была покрыта засохшими темными полосами, и Фише догадался, что кто-то лишил его жизни, ударив чем-то жестким и тяжелым по голове. Просто-напросто. Такое ему

видеть тоже доводилось, правда, уже несколько лет назад.

Еще раз убедившись, что никого поблизости нет, он наклонился и стал проверять карманы.

Это заняло всего несколько секунд, и результат оказался довольно ничтожным, как установил Фише, отойдя от тела метров на двести. Потертый бумажник, без кредиток. Сорок гульденов купюрами и пригоршня мелочи. Почти пустая пачка сигарет и зажигалка. Связка ключей – четыре ключа и рекламный брелок какой-то фармакологической фирмы. И больше ничего; он бросил все, кроме денег, в урну, быстро прикинул в уме и отметил, что кое-какая сумма у него все же образовалась. Вместе с сотней, которую ему удалось позаимствовать у сестры, набралось более чем достаточно для того, чтобы позволить себе провести вечер в кабаке, и он с некоторым умеренным удовлетворением сел на двенадцатый трамвай, идущий в центр. Конечно, без билета. Билетов Андреас Фише не покупал уже тридцать лет.

Кабачок «Маленький Ханс» на северной стороне бухты Маар принадлежал к числу его излюбленных пристанищ. Здесь Фише обычно коротал вечера, когда у него водились деньжата, сюда он и направил свои стопы в этот дождливый ноябрьский четверг. Когда Фише вошел, в самом начале седьмого, народу еще почти не было, и он некоторое время просидел за длинным столом с бутылкой пива и рюмкой можжевеловой водки в полном одиночестве. Сидел, изо всех сил стараясь экономить спиртное, докуривая сигареты покойника, и размышлял над тем, не лучше ли сразу оповестить полицию. Долг долгу рознь, как говаривали прежде. Тут появились три или четыре хороших приятеля, и Фише, верный старой привычке, отложил дело на потом. «Суетиться глупо, – подумал он. – Бог спешки не любит, а тот мужик все равно не воскреснет».

Когда ближе к часу ночи Фише рухнул на свою продавленную постель в холостяцкой гостинице на Армастенстраат, в голове у него, правда, вертелось много всякого, но никак не мертвое тело возле какой-то пустынной парковки в Диккене и не требовательный голос остатков чахнущей совести.

Следующий день – пятница – выдался дождливым и унылым. Большую его часть Андреас Фише пролежал в постели, чувствуя себя не совсем здоровым и разбитым, и только утром в субботу позвонил в полицию – из телефона-автомата

на Центральном вокзале – и спросил, не хотят ли они получить кое-какую информацию.

Ему ответили, что, в принципе, хотят. Однако сразу дали понять, что не собираются платить ему ни гроша.

Фише быстро проанализировал ситуацию. Потом гражданская сознательность взяла верх, и он совершенно бесплатно рассказал, что в пригороде Диккен, пожалуй, стоит забрать труп. На парковке, поблизости от поля для гольфа, возле ресторана, как он там, черт возьми, называется.

Если он не ошибается, этого человека убили.

Когда полицейский принялся спрашивать его имя, адрес и тому подобное, Фише сразу повесил трубку.

– Как давно? – спросил комиссар Рейнхарт.

– Трудно сказать, – ответил Меуссе. – Точно определить пока не могу.

– Ну, на твой взгляд, – настаивал Рейнхарт.

– Хм… – произнес Меуссе, рассматривая лежащее на мраморном столе тело. – Три-четыре дня.

Рейнхарт подсчитал:

– Значит, во вторник или в среду?

– Во вторник, – уточнил Меуссе. – Если тебя устроит чистая догадка.

– У него довольно изможденный вид, – заметил Рейнхарт.

– Он мертв, – сказал Меуссе. – Все время идет дождь.

– Да-да.

– Хотя начальник, наверное, старается на улицу не выходить?

– По мере возможности, – ответил Рейнхарт. – Значит, всего два удара?

– Достаточно одного, – уточнил Меуссе, поглаживая лысину. – Если знать, куда целиться.

– А убийца знал?

– Возможно, – сказал Меуссе. – То, что ударили примерно сюда, довольно естественно. Через макушку к виску. Второй… удар по шее… интереснее. Он более профессиональный. Перебивает шейный отдел позвоночника. Так можно убить лошадь.

– Понятно.

Меуссе пошел в угол, к раковине, и стал мыть руки. Рейнхарт остался у стола, разглядывая покойника. Мужчина, судя по всему, лет тридцати. Возможно, чуть моложе. Довольно худой и довольно высокий: метр восемьдесят шесть, как сообщил Меуссе. Одежда лежала на другом столе и была самой обычной: синие джинсы, долгополая зеленая ветровка, тонкий, довольно изношенный шерстяной свитер, бывший когда-то светло-серым и местами еще сохранивший цвет. Простые коричневые туфли-мокасины.

Никаких документов, удостоверяющих личность. Ни бумажника, ни ключей – вообще никаких личных вещей. Ясно как день: кто-то очистил его карманы.

Не менее очевидно и то, что кто-то убил его, ударив по голове и шее каким-то тупым предметом.

«Ага, – подумал Рейнхарт. – Опять приплыли».

Меуссе кашлянул, и Рейнхарт понял, что пора оставить его в покое. Перед уходом он бросил последний взгляд на лицо покойного.

Лицо узкое, вытянутое. Его чуть портили широкий рот и крупные черты. Волосы длинные, заправлены за уши и собраны на затылке в хвостик. Темная щетина и маленький шрам под левым глазом. Что-то в нем казалось знакомым.

«Я тебя уже где-то видел», – подумал Рейнхарт.

Затем он покинул судебно-медицинскую лабораторию и вернулся в полицейское управление.

Инспектор уголовной полиции Эва Морено засунула фотографии обратно в папку и кинула ее через стол Рейнхарту.

– Нет, – сказала она. – В списке его нет. У нас, вообще, за последнюю неделю только три заявления об исчезновении. Женщина из дома для престарелых в Лере, у нее старческий маразм, и мальчик пятнадцати лет, сбежавший из дома.

Роот перестал жевать печенье.

– Три, – заметил он. – Ты сказала «три».

– Да, – подтвердила Морено. – Правда, третья – змея. Думаю, ее мы тоже можем исключить.

– Змея? – переспросил Юнг.

– Зеленая мамба, – пояснила Морено. – Похоже, исчезла из квартиры на улице Келнерстраат в ночь с понедельника на вторник. По словам хозяина, она смертельно опасна. Но добрая. Может убить человека за две секунды, отзывается на имя Бетси.

– Бетси? – переспросил Роот. – У меня когда-то была подружка, которую звали Бетси. Она не была доброй, но тоже исчезла…

– Спасибо за информацию, – сказал Рейнхарт, постучав трубкой по столу. – Пожалуй, достаточно. Говорят, что тропические змеи, в любом случае, не особенно хорошо переносят такую погоду. Но думается, что кому-нибудь скоро уже пора начать разыскивать нашего убитого парня. Если Меуссе прав…

– Меуссе всегда прав, – вставил Роот.

– Не перебивайте меня, – велел Рейхарт. – Если Меуссе прав, то парень лежал в кустах со вторника, а большинство людей обычно начинает звонить, выждав не более одного или двух дней… я имею в виду близких.

– Если у него таковые имеются, – добавила Морено.

– Одинокие старики могут лежать мертвыми по полгода, – заметил Юнг.

– Да, такие нынче времена, – вздохнул Рейнхарт. – Кстати, не только старики. Я тут читал о женщине, которой еще полтора года после смерти выплачивали пенсию. Женщина лежала в погребе с картошкой, а деньги ей переводили прямо на счет… Бр-р… в хорошеньком мире мы живем. Юнг, что тебе сказали в ресторане?

Юнг открыл блокнот.

– Я пока поговорил только с парой тамошних служащих, – объяснил он. – Никто из них по фотографии его не узнал, но завтра днем мы встречаемся с двумя людьми, работавшими во вторник. Если все произошло именно тогда, то не исключено, что они смогут его опознать… или хотя бы рассказать, заходил ли он к ним.

– Еще что-нибудь есть? – спросил Рейнхарт, раскуривая трубку.

– Да, машина, – ответил Юнг. – Там на парковке, очевидно, со вторника или среды стоит старенький «пежо». Мы проверили и узнали, что машина принадлежит некоему Эльмеру Кодовски. Его нам, к сожалению, найти не удалось. По словам консьержа у него дома, он работает на нефтяной платформе где-то в Северном море…

– Отлично, – сказал Рейнхарт. – В такое время года там, вероятно, хорошая погодка. Есть добровольцы?

– … правда, он намекнул на то, что их жилец, возможно, находится значительно ближе, – уточнил Юнг. – В кустах, в любом случае, лежал не Кодовски.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Роот. – Выражайся яснее.

– Тюрьму, – ответил Юнг. – По мнению консьержа, Кодовски далеко не святой, и вполне возможно, что истории про нефть нужны только для отвода глаз, а на самом деле он где-то сидит. Такое явно случалось и прежде.

– Хм… – произнес Рейхарт. – Уже лучше. Тебе придется проверить соответствующие учреждения… или, Краузе, займись-ка этим лучше ты. Правда, если этот Кодовски находится под арестом, то ему, пожалуй, трудно было поехать припарковаться в Диккене?

– Может, его выпустили на пару дней, – предположил Юнг. – К тому же он мог кому-нибудь одолжить машину… или ее могли угнать.

– Не исключено, – признал Рейнхарт, выпуская облако дыма. – Хотя если она старая, то риск угона невелик. Угонщики нынче привередливы. Нет, боюсь, что так мы особенно далеко не продвинемся. Или у кого-нибудь припасены еще идеи?

Больше идей не нашлось. Была суббота, часы показывали четверть шестого – для болтовни и рассуждений имелось более подходящее время.

– Тогда соберемся завтра утром на пару часов, – напомнил Рейнхарт. – К тому времени будут, по крайней мере, готовы отпечатки пальцев. Правда, похоже, что пригодных отпечатков ждать не стоит. Можно хотя бы надеяться узнать побольше от Меуссе и судмедэкспертов. Кстати…

Он снова достал фотографии из желтой папки и в течение нескольких секунд внимательно их рассматривал.

– … никому из вас он не кажется знакомым?

Юнг с Роотом посмотрели на снимки и покачали головами. Морено на секунду наморщила лоб, потом вздохнула и пожала плечами.

– Возможно, – сказала она. – Возможно, в нем и есть что-то знакомое, но я никак не соображу.

– Ладно, – кивнул Рейнхарт. – Будем надеяться, что сообразим. Если удается идентифицировать жертву, это колоссальный шаг вперед. При любом расследовании. Разрешите пожелать коллегам полноценного субботнего вечера?

– Спасибо, и тебе того же, – отозвалась Морено.

– В очередной раз, – сказал Роот.

– Нельзя ли мне угостить коллегу пивом? – спросил Роот пятнадцать минут спустя. – Обещаю не приставать и не свататься.

Эва Морено улыбнулась. Они как раз вышли из здания полиции, и их обдало леденящим ветром.

– Звучит заманчиво, – сказала она. – Но у меня назначено свидание с моей ванной и паршивым романом, и боюсь, что мне его не отменить.

– No hard feelings[3 - Без обид (англ.).], – заверил Роот. – У меня тоже довольно хорошие отношения с ванной. Она так же плохо танцует танго, как и я, поэтому подозреваю, что под конец мы останемся с ней вдвоем. Надо беречь то, что имеешь.

– Мудрые слова, – заметила Морено. – Идет мой автобус.

Она помахала ему рукой и поспешила к остановке через парковку для посетителей. Роот посмотрел на часы. «Можно с таким же успехом вернуться и переночевать в кабинете, – подумал он. – Какой смысл в это время года таскаться по улице взад и вперед? Чистый идиотизм».

Тем не менее он двинулся в сторону площади Хроте и трамвая, размышляя над тем, когда в последний раз по-настоящему отмывал ванну.

Пришел к выводу, что точно не вчера.

7

Звонок поступил в воскресенье в 07.15 утра, у телефона оказался стажер Краузе. Поначалу он подумал, что для звонка в полицию выбрано довольно странное время – особенно потому, что сразу понял, о чем пойдет речь, и что женщина, стало быть, выжидала по крайней мере четыре дня, – но потом услышал по голосу, что она, похоже, проспала за последнее время не слишком много часов. Вероятно, вообще не спала.

Значит, это было не так уж и странно.

– Меня зовут Марлен Фрей, – начала она. – Я живу на площади Окфенер Плейн и хочу заявить о пропаже человека.

– Записываю, – сказал Краузе.

– Это произошло во вторник вечером, – объяснила Марлен Фрей. – Он собирался только съездить по делу. Обещал провести остаток вечера дома, но даже не позвонил, он никогда не… на него действительно не похоже…

– Минуточку, – прервал ее Краузе. – Будьте добры, сообщите, о ком идет речь. Его имя и внешность… как он был одет и тому подобное.

Она ненадолго умолкла, словно собираясь с силами. Потом он услышал тяжелый, отчаянный вдох.

– Конечно, извините меня, – сказала она. – Я немного устала, не смыкаю глаз… уже несколько ночей, мне страшно.

– Я вас понимаю.

Краузе получил все требуемые сведения. Это заняло не более двух минут, но после окончания разговора он просидел за письменным столом в пять раз дольше, глядя на записанные на бумаге данные и пытаясь собраться с мыслями.

Поняв, что у него ничего не получается, он взял трубку и набрал номер комиссара Рейнхарта.

Прежде чем передать трубку Мюнстеру, Сини на мгновение прикрыла ее рукой. Одними губами произнесла имя, но ему ничего не удалось разобрать. Он приподнялся и ответил:

– Это Рейнхарт. Как у тебя дела?

– Спасибо, – отозвался Мюнстер. – Вчера немного засиделись.

– Ты еще в постели? – спросил Рейнхарт.

– Сегодня же воскресенье, – подчеркнул Мюнстер. – Еще нет девяти часов. Что у тебя на уме?

– Случилось нечто ужасное, – сказал Рейнхарт. – Мне нужна твоя помощь.

Мюнстер подумал две секунды.

– У вас так не хватает народу? – спросил он. – Я ведь по-прежнему числюсь в комиссии, ты что, забыл? Вернусь к работе не раньше февраля.

– Я знаю.

– В чем же тогда дело?

В трубке ненадолго замолчали. Потом комиссар Рейнхарт откашлялся и объяснил, что произошло.

– Проклятие, – произнес Мюнстер. – Буду готов через пятнадцать минут. Конечно, я приеду.

– Давай сперва разок объедем вокруг города, – предложил Рейнхарт. – Мне необходимо немного времени.

– Мне тоже, – отозвался Мюнстер. – Как это случилось?

– Сильный удар по голове, – ответил Рейнхарт. – Непредумышленно или намеренно, последнее более вероятно.

– Когда?

– Предположительно, во вторник.

– Во вторник? Но сегодня уже воскресенье.

– Его нашли только вчера. Никаких бумаг при нем не было. Мне он показался знакомым, но я ведь видел его только раз или два… ну, а сегодня утром позвонила эта женщина и заявила о его исчезновении. Она уже съездила и опознала его. К сожалению, никаких сомнений.

Мюнстер немного посидел молча, наблюдая за тем, как двигаются по стеклу дворники.

«Дьявол! – думал он. – Почему такое должно было случиться? Какой в этом смысл?»

Он сознавал тщетность подобных вопросов, но то, что они не исчезали насовсем, возможно, все-таки о чем-то говорило. О чем-то, связанном с надеждами на лучшее, с оптимизмом, с отказом капитулировать перед темными силами? Разве нельзя посмотреть на это с такой стороны? Может, так и надо толковать это вечное почему?

– Ты много общался с ним в последнее время? – спросил Рейнхарт, когда они переехали на другую сторону реки и стали приближаться к высотным домам района Леймаар.

Мюнстер пожал плечами.

– Не особенно, – ответил он. – Где-нибудь раз в месяц. Мы иногда ходим вместе пить пиво.

– А бадминтон?

– Два раза в год.

Рейнхарт тяжело вздохнул:

– Как ему живется?

– Думаю, до сих пор жилось неплохо. У него даже появилась женщина.

Рейнхарт кивнул:

– Я тебе очень благодарен за то, что ты согласился.

Мюнстер не ответил.

– Чертовски благодарен, – повторил Рейнхарт. – Не знаю, справился ли бы я с этим в одиночку.

Мюнстер сделал глубокий вдох.

– Поехали туда, – сказал он. – Нет смысла больше оттягивать. Ты проверил, что он дома?

Рейнхарт помотал головой:

– Нет. Но я кожей чувствую, что он дома. Отступать некуда.

– Да, – согласился Мюнстер. – Ни нам, ни ему.

Припарковаться возле кондоминиума Клахенбюрх оказалось трудно. Покружив по кварталу, Рейнхарт нашел «карман» на углу Моргенстраат и аллеи Рейдер, и им пришлось пройти двести метров под дождем, прежде чем они добрались до места и смогли позвонить в дверь четвертого номера.

Поначалу изнутри не донеслось ни звука, но после нового немилосердного звонка они услышали, что кто-то спускается по лестнице. Мюнстер заметил, что

у него – посреди всей этой сырости – совершенно пересохло во рту, и он вдруг испугался, что не сможет выговорить ни слова. Тут дверь приоткрылась.

– Доброе утро, – сказал Рейнхарт. – Можно нам войти?

Ван Вейтерен был одет в нечто темно-синее с красным, вероятно представляющее – или представлявшее – собой халат, и обут в нечто коричневое – несомненно, тапочки. Он выглядел уже вполне проснувшимся и держал под мышкой свернутую газету.

– Рейнхарт? – воскликнул он с удивлением и распахнул дверь. – И Мюнстер? Какого черта?

– Да уж, – сумел выдавить из себя Мюнстер. – Это точно.

– Заходите, – пригласил Ван Вейтерен, махнув газетой. – Льет как из ведра. В чем дело?

– Давайте сперва сядем, – предложил Рейнхарт.

Их проводили вверх по лестнице и провели в хорошо обставленную гостиную, где они уселись в кресла. Сам Ван Вейтерен остался стоять. Мюнстер прикусил щеку и набрался храбрости.

– Твой сын, – сказал он. – Эрих. Мне очень жаль, но Рейнхарт утверждает, что его убили.

Позже ему подумалось, что, говоря это, он закрыл глаза.

8

Когда Юнг с Роотом около двух часов дня в воскресенье припарковались перед «Траттория Комедиа», дождь временно прекратился. Двое криминалистов по-прежнему занимались брошенным «пежо» под наблюдением инспектора Ле Уда; территорию вокруг машины и вокруг места, где был найден труп, огородили красно-белой лентой.

А также узкий проход между ними. Роот остановился, почесывая голову.

– Что они надеются найти в машине?

– Понятия не имею, – ответил Юнг. – Он ведь одолжил ее у приятеля-зэка пару месяцев назад. Возможно, тот как-то замешан.

– В любом случае, по голове его ударил, очевидно, не Эльмер Кодовски, – заметил Роот. – Того уже восемь недель как не выпускали из тюрьмы, лучшего алиби не придумаешь.

– Возможно, – согласился Юнг. – Ну что, пойдем атакуем бармена, или ты намерен еще долго тут прохлаждаться?

– Я готов, – ответил Роот. – Черт возьми, как мне все это не нравится. Не нравится, когда преступность как бы бьет нам в спину. Такой человек, как В. В., должен бы иметь право на что-то вроде иммунитета.

– Сам знаю, – отозвался Юнг. – Кончай рассуждать на эту тему. Надо просто пойти и сделать свою работу, а потом поедем пить кофе.

– Ладно, согласен.

Бармена звали Алоиз Куммер, и вид у него был довольно мрачный.

Казалось бы молодой, загорелый и сильный, так что Юнг толком и не понял почему. Они сели за стойку совершенно безлюдного бара прямо напротив бармена: пока не появилось никаких посетителей, разговаривать можно было с тем же успехом и здесь. Во всяком случае, так посчитали Юнг с Роотом. Очевидно, господин Куммер тоже, поскольку он не возражал.

– Вы работали во вторник вечером? – начал Юнг.

– Только до девяти, – ответил Куммер.

– Давайте сосредоточимся на этом времени, – попросил Роот. – У вас было много народу?

Куммер показал зубы – крепкие, здоровые и, вероятно, в данный момент изображавшие ироническую усмешку.

– Сколько? – спросил Юнг.

– Может, с дюжину, – ответил Куммер. – Самое большее. Хотите чего-нибудь?

Юнг помотал головой. Роот выложил на стойку фотографии.

– Вот этот человек? – спросил он. – Он заходил тем вечером? Только не отвечайте, пока не будете уверены.

Бармен секунд десять изучал снимки, потягивая кольцо в ухе.

– Мне кажется, да, – произнес он.

– Кажется? – переспросил Роот. – Вы что, верующий?

– Да, он был здесь. Сидел и ел за одним из столиков в зале, я не обращал на него особого внимания.

– Когда именно? – спросил Юнг.

– Примерно между пятью и шестью… да, он ушел в четверть седьмого, как раз перед приходом Хелен.

– Хелен? – уточнил Юнг.

– Одной из девушек с кухни.

– Она ваша подружка? – поинтересовался Роот.

– Какое, черт возьми, это имеет отношение к делу? – Куммер явно начал раздражаться.

– Никогда не знаешь, – ответил Роот. – Жизнь – клубок странных связей.

Юнг многозначительно кашлянул.

– Он сидел один или с кем-то? – спросил он.

– Один, – не раздумывая ответил Куммер.

– Все время? – спросил Роот.

– Все время.

– Сколько всего народу сидело за столиками между пятью и шестью часами?

Куммер задумался.

– Немного, – сказал он. – Может, человек пять-шесть.

– Похоже, у вас сейчас далеко не высокий сезон, – заметил Роот.

– А вам бы хотелось играть в гольф в такую погоду? – поинтересовался Куммер.

– В гольф? – переспросил Роот. – Это такое катание яиц по газону?

Куммер не ответил, но татуировка на его предплечье зашевелилась.

– А в баре он не сидел? – Юнг попытался вернуться к теме. – Не заказывал спиртное или что-нибудь другое?

Куммер помотал головой.

– Сколько всего народу сидело в баре?

– Двое-трое… я точно не помню. Думаю, периодически кто-то присаживался на несколько минут. Как обычно.

– Хм… – произнес Юнг. – Когда этот одинокий посетитель уходил… не заметили ли вы, чтобы кто-нибудь последовал за ним? Я имею в виду, вышел вскоре после него?

– Нет, – ответил Куммер. – Как, черт возьми, я смог бы это запомнить?

– Не знаю. Но дело в том, что его убили тут, на парковке, судя по всему, всего через несколько минут после того, как он отсюда вышел, поэтому было бы хорошо, если бы вы постарались припомнить.

– Я стараюсь, как могу, – заявил Куммер.

– Отлично, – сказал Роот. – Мы не ждем от вас невозможного. Не произошло ли тем вечером вообще чего-либо, что бы вам запомнилось… чего-либо необычного? Или заслуживающего внимания?

Куммер опять задумался.

– Вряд ли, – ответил он. – Нет, все было как обычно, только… довольно спокойно.

– Он бывал здесь раньше, этот человек? – спросил Юнг, постукивая ручкой по фотографиям.

– Нет, – ответил Куммер. – По крайней мере, в мою смену.

– У вас, похоже, хорошая память на лица?

– Я обычно запоминаю людей, с которыми встречался.

– Как давно вы здесь работаете?

– Три месяца.

Роот заметил на конце стойки вазочку с арахисом. Он сполз со стула, пошел и взял горсточку. Бармен наблюдал за ним, скептически наморщив лоб. Юнг кашлянул.

– Та машина на парковке, – сказал он. – «Пежо»… она, следовательно, стоит здесь со вторника?

– Мне так сказали, – ответил Куммер. – До сегодняшнего дня я об этом не задумывался.

– Лица вы запоминаете лучше, чем машины?

– Точно.

– Какая была погода во вторник вечером?

Куммер пожал плечами:

– Полагаю, сыро. Ветрено. Хотя бар, как вы могли заметить, находится под крышей.

– Неужели? – произнес Роот, забирая остатки орехов.

– А как вы сами сюда добираетесь? – спросил Юнг. – Тоже пользуетесь парковкой? Ведь вы, наверное, живете не в Диккене?

Куммер покачал головой и снова выставил напоказ зубы.

– Чаще всего на трамвае, – ответил он. – Иногда езжу вместе с Хелен или с кем-нибудь еще. Но никто из служащих ресторана парковкой не пользуется. Позади здания есть несколько индивидуальных мест.

– О каком количестве служащих идет речь? – поинтересовался Роот.

– Около дюжины, – пояснил Куммер. – Но за раз работает не более трех-четырех человек. В такое время года у нас, как уже говорилось, низкий сезон.

– Как говорилось, да, – повторил Роот, оглядывая пустующее помещение. – Значит, кто является убийцей, вам не известно?

Куммер вздрогнул.

– Какого черта? – воскликнул он. – Ясное дело, не знаю. Мы ведь не отвечаем за то, что кому-то досталось именно на нашей парковке.

– Конечно нет, – сказал Роот. – Думаю, нам остается только поблагодарить вас за беседу. Возможно, мы еще вернемся.

– Это еще зачем? – спросил Куммер.

– Просто мы так работаем, – пояснил Юнг.

– Просто мы любим арахис, – добавил Роот.

В воскресенье вечером Эва Морено и Рейнхарт направлялись на Окфенер Плейн. Площадь располагалась всего в нескольких кварталах от полицейского управления, поэтому, несмотря на ветер и надвигающийся дождь, они шли пешком.

– Надо, чтобы мозги хорошенько продуло, – объяснил Рейнхарт. – К тому же полезно, когда внешние условия отвечают внутреннему состоянию.

– Как он это воспринял? – спросила Морено.

Рейнхарт немного помедлил с ответом.

– Не знаю. Будь я проклят, если знаю. Разговорчивее он, во всяком случае, не стал. Мюнстеру тоже пришлось нелегко. В общем, хреново.

– Он был один?

– Нет. Слава богу, у него была его новая женщина.

– Слава богу, – поддержала Морено. – Она хорошая?

– Думаю, да.

Они подошли к старой площади и отыскали нужный адрес. Один из множества домов с высокими, узкими фронтонами; довольно обветшалый, покрытый сажей фасад и давно не ремонтировавшиеся оконные проемы. К входной двери вели несколько ступенек – Морено нажала на кнопку возле написанной от руки таблички с фамилией.

Через полминуты после повторного звонка Марлен Фрей им открыла. Лицо у нее было немного опухшее, а глаза – в три раза более заплаканные, чем утром, когда Морено беседовала с ней у себя в кабинете. Тем не менее в этой хрупкой женщине ощущалась воля.

Морено отметила также, что она сменила одежду, правда, всего лишь надела другие джинсы и желтый свитер вместо красного, но, возможно, это свидетельствовало о том, что она начала свыкаться с фактом. Поняла, что жизнь должна продолжаться. Никаких успокоительных таблеток она, похоже, не принимала. Хотя это, разумеется, определить было трудно.

– Здравствуйте еще раз, – сказала Морено. – Вам удалось хоть немного поспать?

Марлен Фрей помотала головой.

Морено представила Рейнхарта, и они поднялись по тесной лестнице на третий этаж.

Две маленькие комнатки, узенькая выступенная кухня, и всё. Темно-красные стены и минимум мебели: в основном большие подушки и яркие тюфяки, предназначенные для сидения или лежания. Несколько крупных растений и пара плакатов. Перед газовой печуркой, в комнате побольше, стояли два плетеных стула и низкая табуретка. Марлен Фрей села на табуретку, указав Морено и Рейнхарту на стулья.

– Я могу вас чем-нибудь угостить?

Морено покачала головой. Рейнхарт откашлялся.

– Мы знаем, что для вас это безумно тяжело, – начал он. – Но мы все равно вынуждены задать вам ряд вопросов. Скажите, если вы не в силах отвечать, и тогда мы перенесем разговор на завтра.

– Лучше сейчас, – ответила Марлен Фрей.

– Кроме вас в квартире кто-нибудь есть? – поинтересовалась Морено. – Подруга или еще кто-то?

– Подруга придет попозже. Со мной все в порядке, не беспокойтесь.

– Значит, вы жили здесь вместе? – спросил Рейнхарт, пододвигаясь поближе к печке. Она явно была единственным источником тепла в квартире, и отдаляться от него не стоило.

– Да, – ответила Марлен Фрей. – Здесь мы и живем. Или жили…

– Как давно вы вместе? – спросила Морено.

– Года два.

– Вы знаете, кто его отец? – поинтересовался Рейнхарт. – К делу это, разумеется, не относится, но для нас несколько усугубляет ситуацию. Хотя…

– Я знаю, – перебила его Марлен Фрей. – У них были не особенно близкие отношения.

– Это мы уже поняли, – кивнул Рейнхарт. – Но они их все-таки поддерживали? Я имею в виду отношения.

Марлен Фрей немного помедлила с ответом.

– Я с ним никогда не встречалась, – сказала она, – но думаю… думаю, там наметился сдвиг в лучшую сторону.

Рейнхарт кивнул.

– Но они общались? – поинтересовалась Морено.

– Этой осенью Эрих пару раз навещал его. Хотя теперь это уже не имеет значения.

Ее голос задрожал, и она поспешно провела ладонями по лицу, словно желая унять дрожь. Морено отметила, что рыжие волосы Марлен, похоже, крашенные и не очень ухоженные, но никаких видимых признаков злоупотребления спиртным или чем-либо другим не наблюдается.

– Давайте сосредоточимся на вторнике, – предложил Рейнхарт. Он вынул трубку и табак и получил от Марлен Фрей одобрительный кивок.

– Значит, Эрих поехал в ресторан в пригород Диккен, – сказала Морено. – Вы имеете представление зачем?

– Нет, – ответила та. – Ни малейшего. Как я уже говорила утром.

– А как у него обстояло дело с работой? – спросил Рейнхарт.

– Он понемногу подрабатывал в разных местах. В качестве столяра, маляра и тому подобного… на разных стройках. В основном, боюсь, неофициально, но так уж получалось. У него были золотые руки.

– А вы сами? – спросила Морено.

– Хожу на курсы для безработных. Изучаю экономику, компьютеры и прочую ерунду, но получаю пособие. Работаю в паре магазинов, когда им не хватает народу. В общем-то мы справляемся… справлялись. В смысле – материально. Эрих еще немного подрабатывал в типографии.

– Ясно, – произнес Рейнхарт. – В прошлом за ним кое-что числилось, если говорить…

– А за кем не числится? – вставила Марлен Фрей. – Но мы были на правильном пути, я хочу, чтобы вы это четко понимали.

На мгновение показалось, что она сейчас разрыдается, но она только глубоко вздохнула и высморкалась в платок.

– Расскажите нам о вторнике, – попросил Рейнхарт.

– Тут особенно нечего рассказывать, – сказала она. – С утра я ходила на курсы, потом днем пару часов работала в магазине на Келлнерстраат. Мы с Эрихом виделись дома только между часом и двумя, он собирался идти помогать с яхтой, а потом у него было какое-то дело вечером.

– С яхтой? – переспросил Рейнхарт. – Что еще за яхта?

– У одного приятеля, – пояснила Марлен Фрей. – Вероятно, что-то с отделкой.

Морено попросила ее записать имя и адрес, та выполнила просьбу, сверившись с записной книжкой, за которой пришлось сходить на кухню.

– А это дело вечером? – спросил Рейнхарт, когда с адресом было покончено. – О чем, собственно, шла речь?

Она пожала плечами:

– Не знаю.

– О работе?

– Вероятно.

– Или о чем-то другом?

– Что вы имеете в виду?

– Ну… что-нибудь помимо работы, то есть…

Марлен Фрей достала платок и снова высморкалась. Ее глаза сощурились.

– Я понимаю, – сказала она. – Прекрасно понимаю. Вы тут со мной любезничаете только из-за его знаменитого папочки. А не то вы бы разбирались с ним как с последним бродягой. А со мной – как со шлюхой-наркоманкой.

– Нет, вы… – начала Морено.

– Нечего прикидываться, – продолжала Марлен. – Знаю я, как это бывает. У Эриха кое-что было на совести, но в последние годы он с такими делами покончил. Никто из нас больше никакое дерьмо не употребляет, мы связаны с криминалом ничуть не больше остальных. Хотя что толку пытаться внушить это копам?

Ей никто не ответил. Вспышка Марлен Фрей ненадолго повисла в воздухе, в теплой тишине над печкой. Обстановку разрядил прогрохотавший по улице трамвай.

– Ладно, – произнес Рейнхарт. – Я понимаю, что вы хотите сказать, и, возможно, вы правы. Но сейчас все сложилось, как сложилось, и чертовски странно, если нас поносят за то, что мы, в виде исключения, обращаемся с людьми почтительно… думаю, это ясно всем и обсуждения не требует. Можем двигаться дальше?

Немного поколебавшись, Марлен кивнула.

– Диккен. Что у него там были за дела? У вас есть хоть какие-то предположения?

– Это могло быть что угодно, – ответила она. – Возможно, вы добиваетесь от меня чего-то типа наркотиков, но могу поклясться, что они тут ни при чем. Эрих покончил со всем этим еще до того, как мы съехались.

Рейнхарт окинул ее долгим взглядом.

– Хорошо, мы вам верим, – сказал он. – Эрих предполагал извлечь какую-то выгоду? Я имею в виду деньги… или собирался, например, просто встретиться там с приятелем? Оказать какую-то услугу?

Марлен Фрей задумалась.

– Скорее речь шла о работе. О какой-то работе.

– Он говорил, что направляется именно в Диккен?

– Нет.

– Или зачем едет?

– Нет.

– Даже не намекнул?

– Нет.

– А вы не спросили?

Марлен Фрей со вздохом покачала головой.

– Нет, – ответила она. – У Эриха на неделе иногда бывало семь-восемь подработок, мы обсуждали их только изредка.

– Он сказал, когда вернется? – спросила Морено.

Марлен снова задумалась.

– Пытаюсь вспомнить, но не уверена. Мне кажется, что он собирался вернуться домой, во всяком случае, часам к восьми-девяти, но уверенности в том, что он действительно это говорил, у меня нет. Черт возьми!

Она прикусила губу, и Морено увидела, что ее глаза внезапно наполнились слезами.

– Поплачьте, – посоветовала она. – Ведь можно плакать и говорить одновременно.

Марлен Фрей незамедлительно последовала совету. Морено наклонилась и с некоторой неловкостью стала поглаживать ее по рукам, а Рейнхарт заерзал на плетеном стуле. Попыхтел трубкой и раскурил ее.

– Как насчет имен? – спросила Морено, когда приступ подошел к концу. – Он не называл никаких имен в связи с тем, что собирался делать во вторник?

Марлен замотала головой.

– Вам известно, бывал ли он там раньше? Часто ли туда ездил?

– В Диккен? – Она усмехнулась. – Нет, там едва ли наша среда, или как вам кажется?

Морено слегка улыбнулась.

– Его в последнее время ничто не беспокоило? Не произошло ли чего-нибудь, что вы могли бы связать с несчастьем?

Марлен Фрей вытерла глаза рукавом свитера и снова задумалась.

– Нет, – сказала она. – Ничего в голову не приходит.

– Не появилось ли у него в последнее время каких-нибудь новых знакомых?

– Нет. Эрик знал многих людей… можно сказать, любого сорта.

– Ясное дело, – подтвердил Рейнхарт. – Например, Эльмера Кодовски… у которого он одолжил машину?

– Например, да, – согласилась Марлен Фрей.

– Вы с ним в последнее время общались?

Она покачала головой:

– Он сидит. Где – не знаю, он старый приятель Эриха… я с ним толком не знакома. Только пару раз видела.

– А вам самой в последнее время никто не угрожал? – спросила Морено.

– Мне? – переспросила она с неподдельным удивлением. – Вот уж точно нет.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Марлен склонилась поближе к печке, потирая ладони в поднимавшихся волнах тепла.

– Вы довольно долго не обращались в полицию, – заметил Рейнхарт.

– Знаю.

– Почему же?

Она пожала плечами:

– Может, это и естественно. Как вам кажется?

Рейнхарт не ответил.

– Вы поддерживали контакт с матерью Эриха? – спросила Морено.

– Нет, – твердо ответила Марлен Фрей. – Абсолютно нет. Но я бы хотела поговорить с его отцом. Мне надо ему кое-что сказать.

– Вот как? – удивился Рейнхарт. – Что именно?

– Это я скажу ему, – заявила Марлен Фрей.

Потом они немного посидели в кафе «Гамбринус», пытаясь обобщить впечатления.

– Пока никаких намеков на версии, – констатировал Рейнхарт. – Как ты считаешь? Просто проклятие какое-то.

– Да, никаких, – согласилась Морено. – Правда, возникает ощущение, будто у него там была назначена встреча с убийцей. Хотя он, вероятно, плохо представлял себе ее исход. Странно только, что он сидел в ресторане один и ждал. Если можно полагаться на сведения Юнга и Роота… получается, что тот человек нарушил договоренность и не появился.

– Возможно, что дело обстояло гораздо проще.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Морено, отпивая глоток глинтвейна.

– Обычное ограбление, – сказал Рейнхарт. – Какой-нибудь наркоман с молотком захотел наличных. У Эриха вытащили даже сигареты и ключи, а это уже о чем-то говорит.

Морено кивнула.

– Думаешь, все так и было? – уточнила она.

– Может, да, а может, и нет. Ведь это не обязательно один и тот же человек… я имею в виду, убил его и обчистил карманы. Тот тип, что нам позвонил, едва ли совершенно чист не так ли?

– Скорее всего, да. Как бы то ни было, я склоняюсь к мысли, что дело не только в примитивном ограблении. Тут нечто большее… но считаю ли я так исключительно потому, что жертвой стал именно он, или по какой-то другой причине – даже не знаю… рассуждать так, конечно, неправильно.

– В мире мыслей много неправильного, – заметил Рейнхарт. – В конечном счете, интуиция и предрассудки – вещи одного свойства. В любом случае, начинать, пожалуй, стоит с этого.

Он достал потрепанную черную тетрадку, которую дала им Марлен Фрей в обмен на обещание вернуть после того, как они все скопируют.

– Вероятно, это доказательство того, что они действительно встали на путь истинный, – сказала Морено. – Кто же добровольно отдаст полиции целую адресную книжку, имея что-то на совести?

Рейнхарт листал тетрадку с озадаченным видом.

– Здесь полно народу, – вздохнул он. – Думаю, нам придется еще раз поговорить с ней и попросить кое-кого отсеять.

– Я завтра займусь этим, – пообещала Морено. – А сейчас, по-моему, пора расходиться по домам. Едва ли мы сегодня вечером додумаемся до чего-нибудь гениального.

Рейнхарт взглянул на часы:

– Пожалуй, госпожа инспектор права. Одно мне, во всяком случае, ясно.

– Что же?

– Нам необходимо с этим разобраться. Пусть мы до наступления нового века не раскроем больше ни одного чертова дела, но хотя бы с этим мы справиться обязаны. Это наш долг перед ним.

Морено подперла голову руками и задумалась.

– Если бы речь шла о ком-нибудь другом, я бы решила, что ты разглагольствуешь, как бойскаут. Но признаться, я с тобой согласна. Все и так плохо, и будет только хуже, если мы позволим убийце разгуливать на свободе. Ты завтра с ним снова свяжешься? Он ведь, наверное, хочет знать, как продвигается дело?

– Я обещал держать его в курсе. И сдержу слово. Хочу я того или нет.

Морено мрачно кивнула. Затем они допили остатки и покинули кафе, город и мир на попечение судьбы.

По крайней мере, на несколько часов.

9

Он проснулся и посмотрел на часы.

Без четверти пять. Ему удалось проспать двадцать минут.

«Эрих мертв, – подумал он. – Это не сон. Его в самом деле больше нет».

Он почувствовал, что ему жжет глаза. Они словно норовили выскочить из глазниц. «Эдип, – осенило его. – П, арь Эдип… блуждать остаток жизни слепым, в поисках милости, – возможно, в этом что-то есть. Некий смысл. Эрих. Эрих мертв. Мой сын».

Удивительно, как та же самая мысль способна час за часом заполнять все сознание. Те же два слова – даже, собственно говоря, не мысль, просто сочетание слов, непостижимое, словно заклинание на чужом языке: Эрих мертв, Эрих мертв, Эрих мертв. Минуту за минутой, секунду за секундой; каждую частицу каждого мгновения. Эрих мертв.

Или вовсе не удивительно. Наверное, так и должно быть. Похоже, так будет и впредь. Такой станет его жизнь. Эрих мертв. Сын окончательно завладел им; своей смертью он наконец полностью завоевал внимание и любовь отца. Эрих. Именно так. Больше ничего и не надо было.

«Я не выдержу, – подумал Ван Вейтерен. – Распадусь на части и пойду на дно, ну и пусть. Надо было умирать вовремя».

Женщина рядом с ним пошевелилась и проснулась. Ульрика. Ульрика Фремдли, ставшая его женщиной, несмотря на все сомнения и душевные терзания. Его терзания, не ее.

– Тебе удалось хоть немного поспать?

Он покачал головой.

– Совсем не удалось?

– Полчаса.

Она провела теплой рукой по его груди и животу:

– Хочешь чаю? Я могу сходить и приготовить?

– Спасибо, не надо.

– Хочешь поговорить?

– Нет.

Она повернулась на бок. Подползла поближе к нему, и вскоре он по ее дыханию услышал, что она снова уснула. Он выждал несколько минут, потом осторожно поднялся, закутал ее одеялом и пошел на кухню.

Красные электронные цифры на стоявшем на окне транзисторе показывали 04.56. За окном было по-прежнему совершенно темно; только несколько косых лучей от уличного фонаря падало на угол погруженного во тьму здания бывшей пекарни на другой стороне улицы. Предметы, которые он различал на кухне, казались окутанными такой же мертвенной дымкой. Стол, стулья. Плита, мойка, полка над кладовкой, куча газет «Альгемайне» в корзине в углу. Он открыл дверцу холодильника и снова закрыл. Взял с сушилки стакан и выпил воды из-под крана. «Эрих мертв, – подумал он. – Мертв».

Ван Вейтерен вернулся в спальню и оделся. Ульрика пару раз беспокойно повернулась в постели, но не проснулась. Он проскользнул в прихожую и закрыл за собой дверь. Надел ботинки, шарф и пальто. Вышел из квартиры, тихонько спустился по лестнице и оказался на улице.

Накрапывал дождь – или, скорее, опускался, точно мягкий занавес из парящих легоньких капель. Температура – семь-восемь градусов тепла. Полное безветрие, улицы пустынные, словно перед давно ожидаемой бомбежкой. Темные, погруженные в себя – и в бесхитростный сон окружающих домов.

«Эрих мертв», – подумал он и двинулся вперед.

Вернулся он через полтора часа. Ульрика сидела на кухне в полумраке и ждала, сжимая в руках чашку чая. Он уловил ее укоризненное беспокойство и сострадание, но это тронуло его не больше, чем ошибочный звонок или формальные соболезнования.

«Надеюсь, она выстоит, – подумал он. – Надеюсь, я не утяну ее за собой».

– Ты промок, – сказала она. – Далеко ходил?

Он пожал плечами и уселся напротив нее.

– В сторону Лера, – ответил он. – Дождь довольно слабый.

– Я уснула. Извини.

– Мне надо было пройтись.

Она кивнула. Прошло полминуты; затем она протянула через стол ладони. Они остались лежать приоткрытыми в нескольких сантиметрах от него, и через некоторое время он взял их в свои и нерешительно пожал. Он понимал, что она чего-то ждет, что надо что-то сказать.

– В детстве я знал пожилую пару, – начал он. – Их фамилия была Блуме.

Она слегка кивнула, глядя на него вопросительно.

Он скользнул взглядом по ее лицу, а затем продолжил:

– Возможно, они были не так уж стары, но казались самыми старыми на свете. Они жили в нашем квартале, через несколько домов от нашего, и почти никогда не выходили на улицу. Увидеть их можно было лишь иногда в воскресенье днем, и тогда… тогда замирали любые игры и вся жизнь на улице. Ходили они всегда под руку, по теневой стороне улицы, мужчина непременно в шляпе, и их окружало облако скорби. Бабушка рассказала мне их историю, когда мне, думаю, было не больше семи лет. Когда-то у супругов Блуме были две дочери, две прелестные молодые дочери, которые однажды летом отправились вместе в Париж. Там их обеих убили под каким-то мостом, и с тех пор родители больше ни с кем не общались. Девушек доставили домой во французских гробах. Вот такая история… мы, дети, всегда смотрели на них с глубочайшим почтением. Просто с чертовским уважением…

Он умолк и выпустил руки Ульрики.

– Дети не должны умирать раньше родителей.

Она кивнула.

– Хочешь чаю?

– Спасибо. Если ты добавишь туда несколько капель рома.

Она встала. Подошла к столику возле мойки и включила электрический чайник. Немного покопалась среди бутылок в шкафу. Ван Вейтерен остался сидеть за столом. Сцепил руки в замок и опустил на них подбородок. Прикрыл глаза и вновь почувствовал боль в глазницах. Жгучая боль распространялась оттуда к вискам.

– Мне уже доводилось переживать это…

Ульрика обернулась и посмотрела на него.

– Нет, не по работе. Просто я много раз представлял себе смерть Эриха… что мне придется хоронить его, а не наоборот. Не в последнее время, а гораздо раньше. Восемь – десять лет назад. Представлял со всей очевидностью… отца, который хоронит сына, не знаю, возможно, подобным мыслям предаются все

родители.

Ульрика поставила на стол две дымящиеся чашки и снова села напротив Ван Вейтерена.

– Я – нет, – сказала она. – Во всяком случае, не столь явственно. Почему ты мучил себя подобными вещами? На то должны быть причины.

Ван Вейтерен кивнул, осторожно отпив крепкого и сладкого напитка.

– Да… – Он немного поколебался. – Да, причины были. По крайней мере, одна… когда Эриху было восемнадцать, он пытался покончить с собой. Наглотался таблеток, которых хватило бы на пять-шесть взрослых людей. Его обнаружила подружка и вовремя доставила в больницу. Если бы не она, он бы умер. Прошло уже более десяти лет, а какое-то время это снилось мне каждую ночь. Не только его пустой, отчаявшийся, виноватый взгляд в больничной постели… мне снилось, что его затея удалась и я хожу менять цветы на его могиле. И тому подобное. Такое ощущение, будто… будто я тренировался. Теперь это стало реальностью, ведь в те годы я знал, что рано или поздно так и будет… или думал. Я уже почти успел забыть, а теперь так и вышло. Эрих мертв.

Он снова умолк. По лестнице прошел разносчик газет или кто-то из соседей. Ульрика собралась было что-то сказать, но передумала.

– Я сейчас пытался зайти в церковь Кеймер, – продолжал Ван Вейтерен, – но она оказалась закрыта. Ты можешь мне объяснить, зачем надо запирать церкви?

Она медленно погладила его руки. Прошла минута. Потом две. Ульрика пыталась подобрать слова, он это понимал.

– Эрих умер не по собственному желанию, – наконец сказала она. – Это большая разница.

Он не ответил. Высвободил правую руку и отпил глоток.

– Возможно, – произнес он. – Может, разница и большая. Сейчас мне трудно судить.

Снова повисла тишина. Через окно в кухню начал проникать серый рассвет. На часах было несколько минут восьмого. Улица и город проснулись. Наступил еще один ноябрьский день. Жизнь снова набирала темп.

– Я больше не в силах говорить об этом, – сказал Ван Вейтерен. – Не понимаю, какой смысл обращать это во множество слов. Извини, что я так молчалив, я благодарен тебе за то, что ты здесь. Бесконечно благодарен.

– Я знаю, – отозвалась Ульрика Фремдли. – Слова тут ни при чем. Да и речь, вообще, не о нас. Давай пойдем немного приляжем?

– Мне бы хотелось, чтобы вместо него убили меня.

– Это бессмысленно.

– Знаю. Несбывшиеся желания всегда бессмысленны.

Он допил остатки и пошел за ней в спальню.

Ближе к середине дня позвонила Рената – его бывшая жена, мать его покойного сына. Она проговорила с ним минут двадцать: то говорила, то плакала. Положив трубку, он подумал о словах Ульрики:

«Речь, вообще, не о нас».

Ван Вейтерен решил попробовать держаться за эту мысль. Ульрика потеряла мужа при сходных обстоятельствах; дело было почти три года назад, тогда они и встретились. Ван Вейтерен и Ульрика Фремдли. Кое-что говорило за то, что она знает, о чем тут речь.

Насколько это можно знать. В два часа он сел в машину и поехал в аэропорт Маардама встречать Джесс. Та уже вышла ему навстречу в зал прибытия в полном отчаянии; они обнялись и простояли так в центре зала, наверное, несколько часов. Просто стояли, в обычной толпе и неразберихе, какие всегда царят в аэропорту, и раскачивались из стороны в сторону в незнающем слов и времени общем горе.

Он и его дочь Джесс. Джесс, оставившая в Рауэне семилетних близнецов и мужа. Сестра Эриха. Оставшееся у Ван Вейтерена дитя.

– Я еще не готова к встрече с мамой, – призналась она, когда они спустились к машине на подземную парковку. – Не могли бы мы просто поехать и где-нибудь посидеть?

Он доехал до небольшого кафе «Зейпорт», расположенного на въезде в городок Эгерштадт. Позвонил Ренате и объяснил, что они немного задержатся, после чего они провели несколько часов, сидя друг напротив друга за одним из столиков с видом на дождь и дюны. И на свинцово-серое морское небо, тяжелым куполом возвышавшееся над истерзанной ветром голой прибрежной полосой. Джесс настояла на том, чтобы не выпускать его пальцев из своей руки, даже пока они ели, похоже, как и Ульрика Фремдли, понимая, что сейчас ему нужны не слова.

Понимая, что речь не о них самих, а об Эрихе, и что важно как-то удержать отца.

– Ты его видел? – спросила она через некоторое время.

Да, он ненадолго заезжал в воскресенье в судебно-медицинскую лабораторию. Ему думалось, что Джесс тоже стоит там побывать. Если у нее есть желание. Скажем, в течение завтрашнего дня, он готов поехать с ней.

Она спросила также, кто это совершил, и он объяснил, что не знает.

Почему?

Этого он тоже не знал.

В половине шестого они покинули Эгерштадт, и через сорок пять минут он высадил Джесс перед домом Ренаты на улице Маалервех, где ей предстояло пока пожить. Рената вышла на лестницу и бросилась на шею дочери, а Ван Вейтерен ограничился тем, что достал с заднего сиденья вещи и договорился о встрече втроем на следующий день. В первой половине дня, чтобы, возможно, съездить посмотреть на Эриха – Рената тоже еще не успела этого сделать. Или была не в силах.

Вернувшись домой, он обнаружил на кухонном столе записку от Ульрики. Та писала, что любит его и будет дома около девяти. Он приготовил себе тодди[4 - Тодди – алкогольный напиток из забродившего сока некоторых видов пальм. – Примеч. ред.] с вином и уселся в гостиной в полной темноте. Поставил диск Пендерецкого, но почти сразу выключил музыку.

«Слова лишние, – подумал он, – и музыка тоже. Эрих мертв. Тишина».

Минут через сорок пять позвонил Рейнхарт.

– Как дела? – поинтересовался он.

– А ты как думаешь? – отозвался Ван Вейтерен.

– Вы сидите в одиночестве?

– Временно.

На несколько мгновений воцарилось молчание: Рейнхарт подыскивал слова для продолжения.

– Хотите поговорить об этом? Мы могли бы завтра ненадолго встретиться.

– Возможно, – произнес Ван Вейтерен. – В таком случае я позвоню. Вам известно, кто это сделал?

– Понятия не имеем, – ответил Рейнхарт.

– Я хочу, чтобы вы его нашли.

– Мы его найдем… я еще кое-что хотел сказать.

– Еще кое-что? – удивился Ван Вейтерен.

– Марлен Фрей. Его подружка. Вы с ней встречались?

– Разговаривал по телефону.

– Она хочет, чтобы вы с ней связались, – сказал Рейнхарт.

– Обязательно свяжусь. Конечно. Могу я попросить тебя об одной услуге?

– Пожалуйста, – ответил Рейнхарт.

Ван Вейтерен несколько секунд помедлил:

– Когда вы его поймаете… то есть когда вы найдете убийцу… я бы тоже хотел с ним встретиться.

– Зачем же? – спросил Рейнхарт.

– Затем, что так надо. Если передумаю, я тебе сообщу.

– Ладно, – согласился Рейнхарт. – Разумеется. Вы сможете посидеть с ним с глазу на глаз, обещаю.

– Чем раньше, тем лучше, – сказал Ван Вейтерен.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо, я на тебя рассчитываю.

10

– Мне плевать на то, чем вы там еще заняты, – сказал Рейнхарт. – Мне все равно, если вам придется работать по триста часов сверхурочных в неделю. Я знать не хочу, что вы там говорите, считаете и думаете, – это наш главный приоритет! Убит сын комиссара, если у нас подстрелят министра внутренних дел и изнасилуют папу Римского – мы отложим это в долгий ящик, пока не раскроем данное убийство. Ясно? Усвоили? Возражения есть? В таком случае можете сразу подавать заявления о переводе! Черт возьми… off the record[5 - Между нами говоря; не для протокола (англ.).], ну?

– Я согласен, – сказал Роот.

Остальные, вероятно, тоже были согласны. Во всяком случае, никто не воспротивился. Вокруг письменного стола уже стало душно. Рейнхарт сумел втиснуть к себе в кабинет четыре дополнительных стула; в здании полиции, конечно, были помещения побольше, но там он не смог бы беспрепятственно курить, а с тех пор, как у них родилась дочь, они с женой заключили соглашение, что все вредные привычки останутся за пределами дома.

В оперативную группу входили семь человек. Инспекторы Морено, Роот и Юнг. Стажер Краузе, молодой и многообещающий, – как обычно. Интендант[6 - В некоторых странах Европы – один из старших полицейских чинов.] де Брис и новое приобретение – оперативник Боллмерт, присланный из Аарлаха на время, пока интендант Мюнстер не завершит работу в комиссии министерства, причиной которой стало полученное девять месяцев назад ранение в почки при исполнении служебных обязанностей. И перебор рабочих часов.

И наконец, он сам, теперь уже комиссар Рейнхарт. Правда, когда упоминали комиссара, всегда имели в виду не его – только начальник полиции Хиллер называл его так, пытаясь иронизировать или просто пошутить. Под комиссаром всегда подразумевали комиссара Ван Вейтерена, который был начальником отдела уголовного розыска Маардама в течение полутора десятилетий, а его главной движущей силой вдвое дольше, но около двух лет назад сошел с Парнаса охраны правопорядка, чтобы дожидаться пенсии в качестве совладельца и продавца букинистического магазина «Антиквариат Кранце» в переулке Купинскис.

С полным правом, разумеется; все считали, что он заслужил право на покой и книги, и все скучали по нему со смешанным чувством благоговения, уважения и восхищения.

И теперь он, стало быть, оказался втянутым еще в одно дело. Комиссар. Самым жутким образом… не жертва, но вроде того. Убитый сын. «Проклятие, – подумал комиссар Рейнхарт. – Черт бы их всех побрал!» Много раз за свою так называемую карьеру он считал, что хуже быть уже не может, дальше некуда. Но это было хуже, чем всегда. Более чудовищно, чем он вообще мог себе представить.

«Надо постараться подавить злость, – думал он. – Нужно держать ее на расстоянии, иначе это станет мешать делу».

– Мы должны все-таки абстрагироваться от самого комиссара, – сказал он. – То есть от нашей личной заинтересованности. Надо разбираться как с любым другим делом… только отводя ему главное место. Мы обязаны его раскрыть. Будь я проклят. Сперва, как всегда, факты.

Рейнхарт отыскал нужные бумаги в лежащей на столе кипе и откашлялся.

– Эриха Ван Вейтерена убили двумя ударами в голову тупым предметом, – сообщил он. – Каждый удар сам по себе был смертельным. По крайней мере второй, пришедшийся на шею, как говорит Меуссе… он считает его профессиональным. Орудие было, вероятно, довольно тяжелое… из металла и без выступающих краев – возможно, труба или нечто подобное. Мы его не нашли.

– Жаль, – вставил де Брис. – Это бы облегчило нам задачу.

Рейнхарт сердито посмотрел на него в упор, а затем продолжил:

– Время: вечер вторника. Принимая во внимание показания бармена из «Траттория Комедиа», очевидно, сразу после четверти седьмого. Можно предположить, что преступник нанес удары на парковке, а затем оттащил жертву в кусты, где убитый и пролежал до субботы, пока мы не получили наводку по телефону. Относительно того, кто прибрал к рукам содержимое его карманов, можно лишь строить предположения. Скорее всего, либо сам убийца, либо кто-то другой. Возможно, тот самый анонимный господин наводчик. Версии? Нити? Мотивы? Пожалуйста, ваши соображения!

– Были на его одежде следы наркотиков? – поинтересовался Боллмерт.

«Наверное, пытается произвести впечатление», – подумал Рейнхарт. Розовощекий оперативник пробыл в местной полиции всего несколько недель и явно стремился показать свою осведомленность. Он вполне мог позволить себе не церемониться. То, что он никогда не встречался с комиссаром, могло, пожалуй, тоже считаться плюсом – в данной ситуации.

– Нет, ни на одежде, ни в крови, ни в волосах, ни в ногтях, – ответил Рейнхарт. – Можно констатировать, что его подружка об этом действительно говорила правду. Жаль, что он не рассказал ей, что именно собирался делать в Диккене, а то мы и тут могли бы опираться на ее слова.

– То, что он не рассказал, пожалуй, указывает на некоторую сомнительность цели поездки, – заметил Роот. – Он не упомянул о ней ни девушке, ни Отто Мейеру, которому чуть раньше тем же днем помогал разбираться с яхтой.

– Он даже не сказал ему, что собирается в Диккен? – спросила Морено. – Я имею в виду, этому Мейеру.

– Нет, – ответил Юнг. – Только то, что должен уйти около половины пятого, поскольку у него имеется еще кое-какая работа.

– Работа? – переспросил Рейнхарт. – Он употребил именно это слово?

Юнг кивнул:

– Мы довольно сильно прижали Мейера. Да, он назвал это работой. Вне всякого сомнения. Как бы то ни было, он покинул ангар возле Грейтсенхрахт сразу после половины пятого. Они возились с какой-то отделкой каюты и собирались продолжить на этой неделе. Яхта там довольно шикарная… восемнадцать метров, шесть коек… панели из тика, шкафчик для бара и все такое. Мейер, конечно, отъявленный мошенник, но с бумагами у него все в порядке, не наш клиент.

– Больше он ничего толкового не выдал? – спросил Рейнхарт.

– Ни черта, – ответил Роот.

Юнг с сожалением пожал плечами. Рейнхарт вздохнул.

– Отлично, – сказал он. – В общем, как с козла молока. Что у нас есть еще?

Ответ он уже знал, но все же обвел присутствующих взглядом, постаравшись принять оптимистичный вид.

– Адресная книжка, – произнес в конце концов де Брис.

– Именно, – поддержал Ренхарт. – Схватываешь на лету, как обычно. Как там идут дела?

Де Брис развел руками, едва не задев кончик подбородка Роота.

– Поосторожнее, семафор, – возмутился Роот.

Боллмерт нервно хихикнул.

– Идут как по маслу, – невозмутимо принялся объяснять де Брис. – В книжке значатся сто сорок шесть частных лиц, около пятидесяти организаций и тому подобное. Плюс около десятка записей не разобрать… там все перечеркнуто, разная мазня и так далее. Вероятно, он пользовался книжкой лет шесть-семь, во всяком случае, так думает его подружка, хотя она и знакома с ним только три года. Пока что ей удалось вспомнить тридцать пять человек, завтра начнем их проверять.

– А есть ли среди их общих знакомых такие, кто не значится в книжке? – поинтересовался Юнг.

Де Брис помотал головой:

– По большому счету, нет. Он явно был дотошный. Например, парень, с которым они познакомились на вечеринке всего несколько недель назад, там записан.

– Хм… – произнес Рейнхарт. – Значит, ты хочешь сказать, что среди этих имен обязательно есть убийца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/hokan-nesser/karambol/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Ослиный мост – pons asinorum [лат.) – средство, помогающее преодолеть трудность. – Примеч. ред.

2

Синапс – место контакта между двумя нейронами, служит для передачи нервного импульса. – Примеч. ред.

3

Без обид (англ.).

4

Тодди – алкогольный напиток из забродившего сока некоторых видов пальм. – Примеч. ред.

5

Между нами говоря; не для протокола (англ.).

6

В некоторых странах Европы – один из старших полицейских чинов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hokan-nesser/karambol-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить